ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

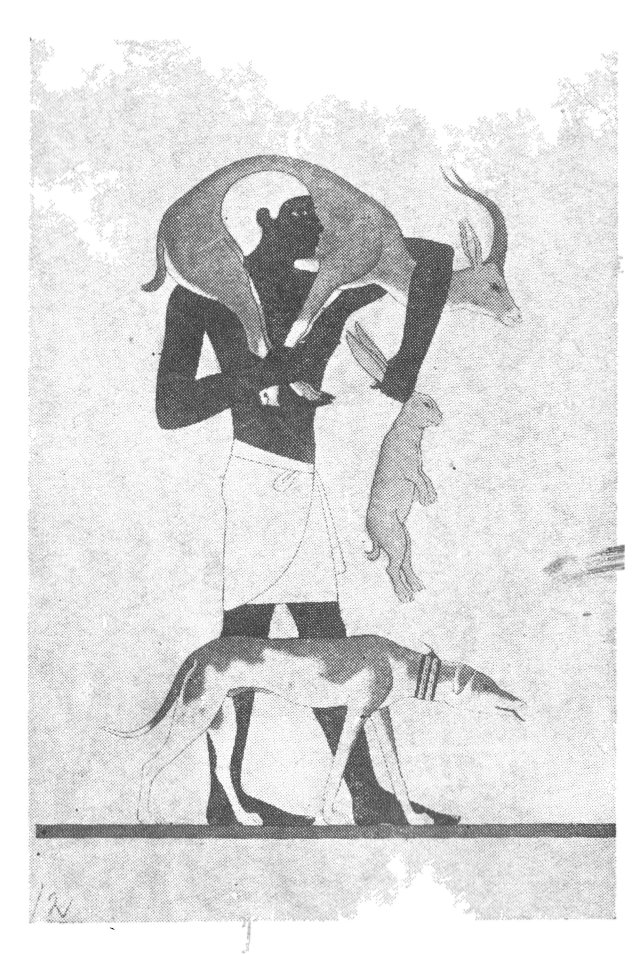
М. Э. МАТЬЕ

ЧТО ЧИТАЛИ ЕГИПТЯНЕ 4000 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

ЛЕНИНГРАД

1936

Охотник с добычей

Т. Н.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

М. Э. МАТЬЕ

ЧТО ЧИТАЛИ ЕГИПТЯНЕ 4000 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ЛЕНИНГРАД
1936

ВВЕДЕНИЕ

В 1886 году на западном берегу Нила в горах, недалеко от знаменитой столицы древнего Египта — города Фив, велись раскопки. Работами руководил французский археолог Масперо.

Фиванское кладбище

Более трех тысяч лет тому назад в этой местности, которая теперь называется Дейр-Эль-Мединэ, находилось древнее кладбище, и здесь, в пустынных скалах, почти лишенных растительности, по-

всюду встречаются вырубленные в каменных глыбах гробницы. Многие из них в течение веков были разрушены или разграблены, но иногда ученые находят и совершенно нетронутые погребения.

И вот на горе, к югу от развалин храма, построенного в III веке до х. э., Масперо открыл гробницу, принадлежавшую египтянину Сенноджему, жившему еще задолго до постройки храма, в XIV веке до х. э. Гробница была хотя и не очень большая, но внутри вся покрытая прекрасной росписью, очень хорошо сохранившейся.

При свете факелов археологи увидели на стенах написанные яркими красками портреты самого Сенноджема и его жены Иинефер.

На одной стене было изображено, как они поклоняются богам, а также солнцу и семи звездам, на другой — как они получают пищу и воду от богини, живущей в дереве.

Дальше были нарисованы страшные демоны, охранявшие ряд ворот в подземный мир, а под ними были расположены сцены пира, на котором присутствовали все члены семьи Сенноджема.

И все это завершалось большой, во всю стену, сценой египетского рая, „Полей Иалу“, где были изображены Сенноджем и его жена в белых одеждах за различными полевыми работами. На этих полях, прорезанных каналами с голубой водой, желтели высокие колосья; по берегам каналов ро-

сли зеленые акации и пальмы, а на пальмах висели гроздья темных фиников.

В гробнице оказались не только росписи, но и много очень интересных предметов. Гробы, маски, расписанные сосуды, ящики, кресла, великолепно расписанные полозки для гробов самого Сенноджема и его сына Хонсу — все это лежало на полу гробницы. Среди этих вещей был найден и целый набор инструментов архитектора: здесь лежали отвесы, египетская мера длины „локоть", квадраты и линейки.

Но самой интересной находкой оказался большой кусок известняка в метр длиной и в двадцать два сантиметра шириной, покрытый какой-то египетской надписью. Обычно в гробницах находили религиозные надписи, заупокойные молитвы или гимны. Каково же было изумление ученых, когда при ближайшем изучении этой надписи оказалось, что она является отрывком литературного произведения — древне-египетской повести о приключениях египтянина Синухета (см. перевод во второй части книжки).

Десять лет спустя, зимой 1895—1896 года, также недалеко от Фив, экспедиция английских ученых под руководством археолога Квибелла вела работу по исследованию развалин большого храма, который был построен около 3300 лет тому назад и был заупокойным храмом фараона Рамсеса II. В те-

чение многих столетий храм постепенно разрушался. Стены обвалились; колоссальные гранитные статуи, некогда украшавшие его, теперь лежали полузасыпанные песком у входа. Тем не менее мощная колоннада зал, части уцелевших стен с огромными рельефами, изображавшими военные подвиги фараона, остатки статуй — все это еще производило сильное впечатление.

Когда храм был расчищен от песку и земли, то оказалось, что под уровнем его пола находились какие-то гробницы. Задолго, приблизительно за 700—600 лет до того времени, когда был выстроен храм (т. е. около 4000 лет тому назад), на этом месте было также древнее кладбище. В гробницы надо было спускаться по узким глубоким шахтам.

На дне одной такой шахты была найдена гробница, состоявшая из двух небольших комнат. Это погребение было разграблено еще в древности, может быть как раз при постройке храма. Ценные вещи были все взяты, а остальные брошены в кучу в шахте.

В этой куче археологи нашли небольшой деревянный ящик, покрытый белой облицовкой; на крышке его был нарисован черный шакал. Когда ящик открыли, то оказалось, что он на одну треть был наполнен папирусами. Кроме папирусов, в ящике лежала связка тростниковых перьев, а вокруг ящика было много различных предметов: каменные, фаян-

совые и деревянные статуэтки, бусы из аметиста, агата, сердолика и гематита, бумеранги из слоновой кости, украшения из бронзы и слоновой кости.

Когда ученые попробовали развернуть рукописи, то оказалось, что они от времени стали такими хрупкими, что при прикосновении почти рассыпались в пыль. Поэтому пришлось их подвергнуть очень медленной и длительной обработке прежде, чем удалось развернуть и прочесть. Когда же эти свитки прочитали, то увидели, что это две повести — „Красноречивый крестьянин“ и уже знакомые нам „Приключения Синухета“.

Еще до этих находок ученым были известны некоторые рукописи с литературными произведениями древних египтян. Постепенно стали появляться новые.

Иногда свитки папирусов или просто черепки с такими текстами находили при систематических раскопках сами археологи, как мы это уже видели.

Иногда людям, путешествовавшим по Египту, удавалось случайно купить интересный папирус у торговцев древностями.

А иногда египтологи в архивах тех или иных музеев обнаруживали неизвестно когда и кем купленные рукописи, оказывавшиеся при прочтении любопытнейшими памятниками древней литературы.

В настоящее время нет ни одного крупного музея Европы или Америки, в котором не хранились

бы египетские сказки, повести или стихи. В нашем Союзе Эрмитаж и московский Музей Изобразительных Искусств справедливо гордятся целым рядом таких первоклассных образцов.

Мы хорошо знаем теперь, как жили люди за много веков до нас в долине Нила, мы можем посетить их дома и храмы, раскопанные на местах древних городов, мы можем теперь прочесть их сказки и повести.

Это небольшая книжка и должна рассказать о то что читали эти люди тысячи лет тому назад.

1

„Вот я веду тебя в школу"

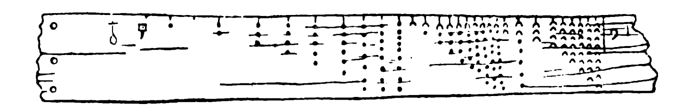
Из тех рукописей, которые до нас дошли, многие имеют следы исправлений, поправок. Эти поправки написаны другим, более выработанным, почерком и сделаны, несомненно, другой, более опытной рукой. На полях таких рукописей обычно бывают выписаны заново наиболее сложные знаки, которые труднее всего научиться красиво и правильно писать.

Если мы присмотримся поближе к этим рукописям, то иногда мы увидим, что они склеены из совсем разных кусков папируса. А иногда фон папируса, на котором написана рукопись, выглядит каким-то грязным. Вглядимся внимательнее и увидим, что раньше на этом папирусе уже было что-то написано, а потом все смыли и по этому же папирусу написали новый текст.

Эти рукописи — школьные. Их писали молодые, неопытные еще писцы, а поправки сделал учитель.

Для того, чтобы сделаться опытным писцом, чтобы научиться четко и правильно писать сложные знаки египетского письма, египетскому школьнику приходилось много учиться.

В Египте школы имелись как при дворе фараона, так и при главных государственных учреждениях, а также и при храмах. Молодой писец, кончая

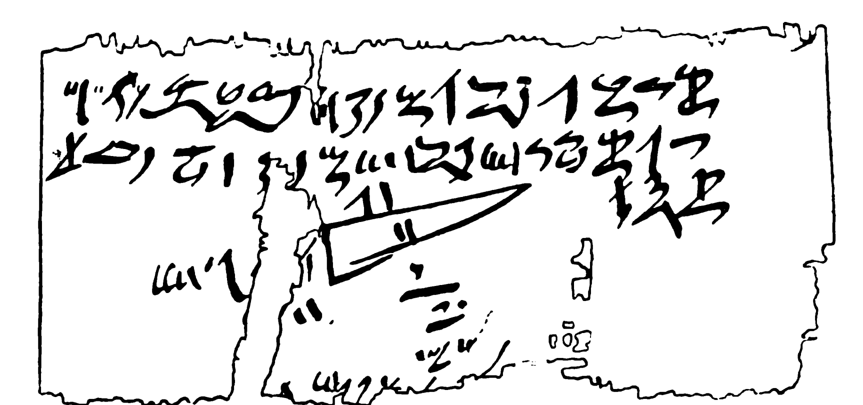

Доска для обучения счету

школу при каком-нибудь учреждении, например, при казначействе, часто уже занимал в то же время низшую должность чиновника этого же казначейства. Учение в школе заключалось, главным образом, в чтении и переписывании различных текстов и в решении математических задач. До нас дошли папирусы с целым рядом таких задач, с чертежами геометрических фигур и различными вычислениями. Один такой папирус, написанный около 4000 лет тому назад, хранится в московском Музее Изобразительных Искусств.

„Пиши день целый пальцами твоими“

Чтобы научиться бегло читать различные рукописи, нужно было потратить немало времени. Еще более внимания и усидчивости следовало приложить, чтобы

Математический папирус. Задача на вычисление площади треугольника

уметь самому писать красиво и четко. Недаром старый жрец Небмаатранахт советует своему ученику Унуэмдиамону: „Люби писания и ненавидь танцы... Пиши день целый пальцами твоими и читай ночью".

При переписывании текстов главное внимание учителя было обращено на то, чтобы ученик научился писать правильно и красиво. При этом ученики должны были уметь писать различными образцами письма, т. к. рукописи писали разным шрифтом, смотря по их содержанию. Например, деловые документы писали курсивным почерком, а для религиозных текстов применяли особо-четкое уставное письмо.

Папирус

Ученику не сразу позволяли писать на папирусе. Сначала ему давали упражняться на обломках глины или камня или же на деревянных дощечках. И уж только когда он овладевал письмом, ему давали папирус. Делалось это потому, что папирус был дорогим материалом, его берегли и старались не тратить напрасно. Он изготовлялся из болотного растения, которое в те времена в изобилии росло на Ниле. Стебли этого растения разрезались на длинные пласты, которые накладывали один на другой в два ряда поперек, прессовали и просушивали.

Чтобы получить папирус такой длины, какая требовалась для написания той или иной рукописи, отдельные полосы папируса приклеивали друг к другу. Когда рукопись была написана, ее скатывали в виде свитка. Так выглядели египетские книги.

Мы уже говорили, что папирус был сравнительно дорогим материалом, им дорожили и старались использовать каждый кусочек.

Неудивительно поэтому, что часто свитки папирусов, особенно для записи больших, но неофициальных текстов, склеивались из кусочков уже использованных рукописей, у которых можно было воспользоваться чистой оборотной стороной.

В дело шли счетные записи, деловые акты, даже письма. Все это склеивалось, подрезалось; получался свиток, и на свободной от письма стороне писали новый текст.

В Эрмитаже имеется большой папирус. Он содержит два литературных произведения: первое — „Поучение царю Мерикара“ и второе — „Предсказания мудреца Ноферреху“. Оба они написаны на оборотной стороне длинного папируса, бывшего когда-то официальным документом — счетными записями зерна и ценных деревьев.

Мы знаем как звали человека, который переписал на этот свиток оба литературных текста, знаем также кем он был: это был Хаэмуас, писец счета (т. е. чиновник, который вел счетные записи в ка-

Кусок камня с поэтическим текстом

ком-нибудь учреждении). Очевидно, желая записать для себя литературные тексты, Хаэмуас решил использовать для этого чистую оборотную сторону хорошего большого папируса со счетными записями, видимо, уже устаревшими и ненужными. Он разрезал папирус и склеил себе два свитка.

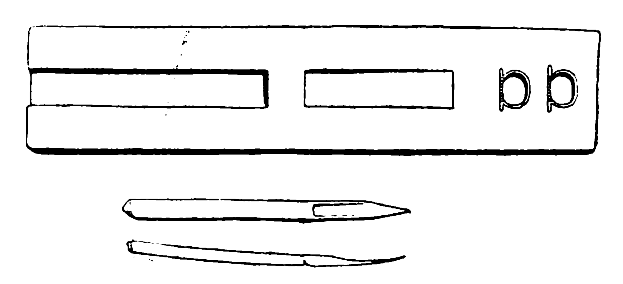
Очень часто люди, желавшие использовать старый папирус для новой записи, просто смывали написанный ранее текст и писали заново. Правда, цвет такого папируса получался грязноватый, а иногда местами даже просвечивали плохо смытые знаки прежнего текста, но тем не менее дороговизна папируса вынуждала пользоваться и таким, далеко уже не первосортным, материалом для письма. Примером такого текста, написанного на смытом папирусе, может служить наша эрмитажная „Сказка о потерпевшем кораблекрушение", перевод которой дан во второй части книжки.

„Побратайся с письменным прибором"

Писали египтяне заостренными тростниковыми палочками, которые каждый писец имел при себе вместе с чашкой для воды и дощечкой-пеналом, в которой были выдолблены два углубления — для черной и красной краски.

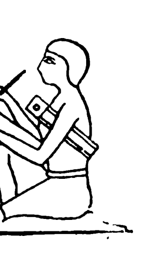
Такой письменный прибор являлся обязательным спутником писца еще со школьного времени. Тот же жрец Небмаатранахт, о котором мы уже упоминали, так говорит своему ученику, советуя не расставаться

с письменными принадлежностями: „Побратайся со свитком и с письменным прибором“.

Письменный прибор и тростниковые палочки
Государственный Эрмитаж

Обычно рукопись писали почти всю черной краской, но часто начала новых глав или просто отдельных фраз писали красным. Выделять такие фразы красным было необходимо, т. к. египтяне писали не отделяя слов друг от друга и найти начало какой-нибудь главы иначе было бы очень трудно. Так поступали и другие древние народы,и отсюда, между прочим, происходит и наше выражение „начинать с красной строки“ вместо „начинать с новой строки“.

Писец

Кроме начала глав или фраз, египетские писцы в поэтических произведениях обычно разделяли красными точками один стих от другого. Всему этому

Папирус „Сказка о потерпевшем кораблекрушение".

тоже надо было выучиться ученику египетской школы. Что это было нелегко, видно уже из того, как часто ошибочно бывают расставлены красные точки в поэтических текстах в школьных рукописях.

Ежедневный урок по переписыванию текстов в среднем обычно равнялся трем страницам. Иногда же писали и больше, до десяти и даже двенадцати страниц в день, а иногда, наоборот, меньше. Все это мы знаем благодаря тому, что на школьных рукописях перед началом переписываемого отрывка обычно ставилось указание дня и месяца, когда выполнили урок. Таким образом, мы можем проследить на ряде рукописей день за днем, как и в каком количестве переписывал какой-нибудь начинающий писец заданный ему текст.

Содержание рукописей, которые давали переписывать ученикам, было довольно разнообразно, но тем не менее достаточно определенно. Обычно выбирали такие тексты, которые могли послужить школьникам образцом хорошего языка и помочь им научиться правильно и красиво выражать свои мысли. Для этого им давали переписывать литературные произведения, образцы официальных писем, гимны богам. Но чаще давали различные поучения. Эти поучения считались, видимо, наиболе подходящими текстами для молодежи. Старые вельможи, жрецы и чиновники хотели, чтобы подраставшие им на смену молодые представители их класса

полностью разделяли их взгляды на жизнь, а потому в своих „Поучениях“ они старались эти взгляды им передать.

Предполагалось, что при переписывании ученики одновременно запомнят и потом с пользой применят на практике все, внушаемое этими текстами.

А в них не только проповедывались правила житейского поведения, но и давались советы начинающим чиновникам, как следует служить и держать себя с начальниками, чтобы достигнуть почестей и богатства, причем в каждом таком поучении обязательно подчеркивалось, как важно и выгодно быть писцом.

Для этого в виде сравнения приводились описания различных других профессий, с умышленным подчеркиванием тяжелых или комических моментов:

„Что это ты говоришь: „лучше быть военным, нежели писцом“? Вот я покажу тебе, как бывает с военным, когда его юношей запирают в казармы. Он получает удар по животу, удар по глазу, удар по бровям, и голова его похожа на сплошную рану. Вот я покажу тебе, как он идет в Сирию и как он марширует по горам. Свой хлеб и свою воду он тащит на плече, подобно ослу. Питье его — вонючая вода. Кончили переход, он должен стоять на часах. А когда он возвращается в Египет, он похож на дерево, изъеденное червями. О, писец, отвратись от мысли, что военным лучше быть, нежели писцом“.

И после перечисления тяжести ряда занятий неизменно добавляется: „а писец никому не повинуется, ему же повинуются все“.

„Ухо мальчика на спине его“

Из этих поучений мы узнаем, что в школах господствовала суровая дисциплина. Выше мы уже видели, как учитель советовал ученику никогда не расставаться со свитком и письменными принадлежностями, писать весь день, а ночью упражняться в чтении. Занятия начинались с раннего утра, школьник должен был прямо с постели приниматься за уроки:

„Вставай, на твое место, книги уже лежат перед твоими товарищами. Возьми свое платье и позаботься о своих сандалиях“.

Заниматься нужно было старательно и усердно, иначе следовало немедленное наказание:

„Читай прилежно книгу. Не проводи дня праздно, иначе горе твоему телу... Пиши рукой своей, и читай устами твоими, и спрашивай совета того, кто старше тебя. Ухо мальчика на спине его и он слушает, когда его бьют“.

Очень строго карались всевозможные попытки к легкомысленным увеселениям:

„Говорят, ты забрасываешь ученье, ты предаешься удовольствиям: ты бродишь из улицы в улицу за пивом. А пиво расстраивает душу. Ты похож на сломанное весло на корабле, ты похож на часовню без ее бога и на дом без хлеба. Тебя

учат играть на флейте. Ты сидишь перед девушкой и ты умащен благовонием. Твой венок из цветов висит на твоей шее".

„Я свяжу твои ноги, если ты будешь бродить по улицам, и ты будешь избит гиппопотамовой плетью".

„Но не из сыновей бедняков"

В этих школах учились почти исключительно сыновья знатных и богатых родителей.

Самое положение школ при дворе, при главных учреждениях и храмах уже говорит о классовом их характере.

Помимо этого, мы имеем и непосредственные указания самих текстов. Так в „Поучении Дуау" говорится, что он ведет сына в школу ко двору, чтобы он учился „среди сыновей знатных". То же самое читаем мы и в другом поучении: „Вот я отдаю тебя в школу вместе с сыновьями знатных, чтобы тебя воспитать и подготовить к этой прекрасной должности (писца)".

Целый ряд вельмож и полководцев рассказывают нам в своих автобиографических надписях на стенах их гробниц о том, что они воспитывались в школе среди детей вельмож.

Особенно же яркое свидетельство о том, что доступ в школу был открыт только детям знати, дает нам одна надпись, уже позднего времени, в которой верховный врач Уджахорресент рассказывает об организации школ: „Сделал я по приказу фараона

и учредил я школы со всеми их учениками из сыновей людей (т. е. знатных), но не из сыновей бедников".

Таким образом, возможность получения образования только для детей знатных и богатых так же, как и вся система этого образования, обеспечивала социальный состав будущего чиновничества и его воспитание так, как это было желательно в интересах господствовавшего класса.

2

Сказки—это почти все, что осталось от египетской художественной литературы.

Многочисленные папирусы сохранили для нас эти увлекательные повествования, когда-то возбуждавшие интерес и внимание древних обитателей долины Нила и не потерявшие своей прелести и занимательности и для нас.

Содержание их очень разнообразно. Так, в одной из сказок говорится о жизни и приключениях „Обреченного царевича“, которому при рождении было предсказано умереть или от змеи, или от крокодила, или от собаки; в другой—о пастухе, встретившем в болотных зарослях чудесную красавицу, в третьей—о том, как верховный жрец Хонсемхеб увидел духа древнего вельможи, который рассказал ему о себе и потребовал, чтобы нашли и исправили его заброшенную гробницу.

На одном очень большом папирусе записана длинная сказка, или вернее ряд сказок, про знаменитого фараона Хуфу, которому принадлежала самая высокая из египетских пирамид. Однажды стало скучно фараону, говорится в сказке, и вот, чтобы его развеселить, его сыновья один за другим рассказывают интересные истории: царевич Хафра рассказал про мудреца Убаонера, который, сделав из воска крокодила, превратил его в настоящего зверя. Царевич Бауфра рассказал про мудреца Джаджаеманха, который достал со дна озера упавшее украшение одной красавицы, причем для этого он сложил пополам воды озера, поставив одну половину их на другую, а потом снова сравнял их.

Третий же царевич, Хардедеф, вместо сказки привел к фараону мудреца Деди, „которому 110 лет и который съедает 500 хлебов и мясо с бедра быка и выпивает 10 кружек пива“ (см. перевод во второй части книжки). Деди проделал перед царем ряд волшебных фокусов, а затем предсказал чудесное рождение в семье одного жреца трех мальчиков — будущих фараонов Египта.

Из других папирусов знаем мы и другие сказки, не менее яркие и интересные.

Не все сказки возникли одинаково. И нет ни одной, которая была бы от начала до конца „выдумана“ одним человеком, потому что египетские

сказки, как и сказки всякого другого народа, создавались постепенно, многими людьми, которые передавали их друг другу, изменяя и добавляя. А потому понятно, что пути развития сказок, как и их источники, очень различны.

Многие из них являются отражением религиозных сказаний, возникших в древнейшие времена истории египетского общества, когда первобытный египтянин, не понимая окружавших его явлений, объяснял их по-своему.

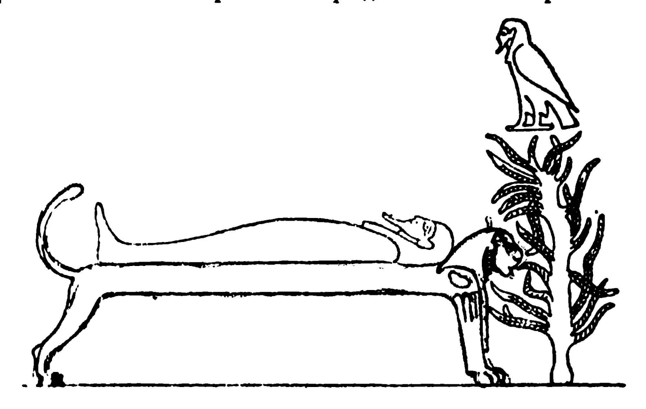
Представляя себе небо то в виде огромной коровы, то в виде согнувшейся женщины, которая кончиками пальцев ног и рук касается земли; считая, что солнце каждое утро рождается в виде младенца, а к вечеру закатывается уже стариком,— древнейший обитатель Нильской долины слагал многочисленные легенды об окружавшей его природе.

Ежегодно под палящим зноем солнца высыхает летом почва Египта и, точно сожженая, желтеет растительность; но зато вслед за этим, после разлива Нила, земля покрывается молодой блестящей зеленью, и вся природа как бы оживает вновь. Древний египтянин объяснял это ежегодной смертью бога природы Осириса, убиваемого его братом Сетом и потом снова воскресающего с помощью сына — мстителя Гора.

Эта легенда дошла до нас в ряде записей и кроме нее мы знаем много других сказаний: и о сотво-

рении мира, и о борьбе солнца со змеем, и об истреблении согрешивших людей.

В разных местах, в разных условиях, разными людьми было сложено в Египте множество мифов, выразивших своеобразные представления первобыт-

Мертвый Осирис и его душа на дереве

ного египтянина о той среде, в которой проходила его жизнь.

Отклики этих представлений мы и находим в ряде сказок.

Так до нас дошла сказка: „О двух братьях", где говорится о жизни и приключениях двух братьев, по имени Анупу и Бата. Про Бату рассказывается, что сердце его было спрятано на вершине дерева; пока это дерево не было срублено, Бата

оставался жив, но вот, однажды, дерево срубили, и Бата умирает. Потом, к концу сказки, он снова воскресает после того, как его сердце было найдено, оживлено водой и им проглочено.

И вот, в этом рассказе о Бате есть такие моменты (смерть и воскресение, тесная связь Баты с природой и т. д.), которые нам показывают, что эта сказка, несомненно, является отголоском религиозного сказания о ежегодно умирающем и вновь воскресающем боге растительности, о котором мы уже говорили выше.

То же самое можно сказать и о другой сказке „О правде и кривде". Здесь говорится опять о двух братьях, правдивом и лжеце. Лжецу удается временно обмануть и ослепить правдивого брата; в конце-концов сын правдивого мстит обидчику за отца, и правда торжествует. Если мы сравним эту сказку с уже упомянутым религиозным сказанием об Осирисе, его брате-убийце Сете и сыне-мстителе Горе, то, несмотря на то, что в сказке многое значительно изменено (злой брат не убивает доброго, а только ослепляет его и т. д.), тем не менее связь сказки с мифом об Осирисе вполне ясна.

Таковы сказки, явившиеся отражением религиозных представлений.

В другую группу можно выделить ряд сказок, в основе которых лежит какой-нибудь исторический

факт, героем которых является какой-нибудь известный полководец или чем-либо запомнившийся фараон. Таковы сказки о том, как полководец Тхути хитростью взял город Яффу, послав туда в больших мешках, под видом даров, своих воинов (см. перевод во второй части книжки), как поссорился гиксосский царь Апопи с фараоном Секененра, или уже упомянутая сказка о фараоне Хуфу и мудрецах.

В ряде сказок отразились легенды и суеверия, связанные с гигантскими усыпальницами фараонов — пирамидами, сооружение которых стоило таких трудов и тягот египетскому народу и надолго запечатлелось в его памяти.

Яркий след оставили в египетской сказке многочисленные путешествия египтян в далекие страны. Были ли это поездки вверх по Нилу в богатую золотом и слоновой костью Нубию, или же длительные морские странствия в славившуюся благовониями страну Пунт, откуда привозили ладан, мирру и различные породы душистых растений,—эти путешествия служили неистощимыми источниками для самых фантастических рассказов. Мореплаватели, возвращаясь на родину, любили похвастать своими подвигами, и небылица легко сплеталась с былью в таких повествованиях, превращая рассказчиков в героев чудеснейших приключений.

Великолепным образцом отражений таких повествований о странствиях в сказке является „Сказка о потерпевшем кораблекрушение“, написанная на одном из папирусов, хранящихся в Эрмитаже (см. перевод второй части книжки).

Как же из религиозной легенды или исторического события получилась сказка?

... В стороне бреют два парикмахера

Мы знаем, что сказки существуют задолго до того момента, когда кто-нибудь их записывает. До этого сказки живут в устной передаче.

Из поколения в поколение рассказывают люди друг другу различные сказки. Часто рассказчик кое-что прибавляет от себя, а кое-что, наоборот, сокращает.

Многое, ставшее непонятным через большой промежуток времени, заменяется более понятным, более

современным новому рассказчику. Часто хотя и сохраняется основное содержание сказки, зато ее герои меняют свой облик; рассказчики наделяют героев новыми чертами, помещают их в иную среду, окружают другой обстановкой.

Представим себе площади и базары Египта. Представим себе сутолоку и пыль такого базара, крики

... Под навесами женщины продают вино и пиво ...

продавцов и покупателей; крестьян, привезших на ослах из соседних оазов свои продукты; ремесленников, тут же и изготовляющих, и продающих свои изделия. Изнемогая от усталости, проходят носильщики, сгибаясь под тяжелыми корзинами. Покупают и продают льняные ткани, сосуды, рыболовные снасти, сандалии, духи, ожерелья, рыбу, масло, овощи, фрукты. В стороне два парикмахера бреют желающих; очередь такая большая, что двое ожидающих успели вздремать под соседней сикоморой. Под навесами женщины продают кисловатое вино и ячменное пиво.

И тут же на перекрестке уличный певец или старик-сказочник нараспев говорит свои сказки. Его окружает толпа, внимательно и жадно слушают, покачивая в такт головами. Одна сказка сменяет другую, один сказочник—другого.

Здесь встречаются люди из самых разных концов Египта, бывают и иноземцы. В сказку случайно вплетаются новые рассказы, иногда несколько сказок, сокращаясь, сливаются в одну. Незаметно творятся новые сказки.

Кто же записал эти сказки на тех папирусах, которые хранятся в наших музеях?

Не старыми пальцами базарных сказителей написаны эти тонкие изящные письмена. Да и литературный, книжный язык, которым изложены сказки в наших папирусах, подражание стилю классических образцов египетской прозы, изысканные обороты—все это тоже показывает, что записаны сказки не теми сказочниками, которые говорили народным говором и, пересказывая их устно, донесли их из глубины веков.

Пройдя долгий путь развития при устной передаче, сказки подверглись при записи определенной литературной обработке.

Большое же количество египетских сказок вовсе не было записано: одни из них не были интересны тем людям, которые их записывали, другие же были им просто враждебны. Не случайно, что среди дошедших до нас сказок нет ни одной, высмеивающей

князей или жрецов, нет ни одной, где крепкий народный юмор метко выявил бы подлинное их лицо.

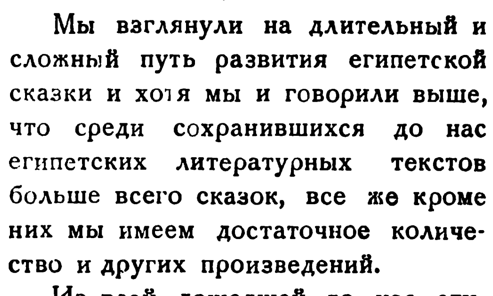
А между тем, несомненно, такие сказки были, их можно найти в народных массах любой страны и любой эпохи, причем повсюду им бывает закрыта дорога в выправленные и приглаженные сказочные сборники, составленные для господствующих классов.

Пройдя такую обработку, приобретя новую форму, с изменившимся содержанием, сказки, став *чтением*, начали служить развлечением уже другим кругам египетского общества.

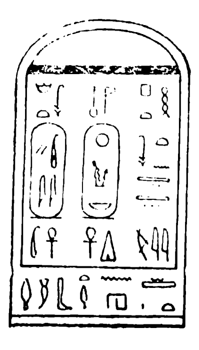
В некоторых папирусах с записями сказок в конце стоят имена написавших их писцов. Так, в конце „Сказки о потерпевшем кораблекрушение“ стоит подпись „писец ловкий пальцами Амени-Амонаа“. В конце сказки „О двух братьях“ сказано, что рукопись написал писец Эннана.

Вероятно, ни писец Амени, ни Эннана не были теми людьми, которые впервые записали услышанную ими сказку. Оба они были, очевидно, просто хорошими писцами-переписчиками. Но подписи таких писцов все же для нас очень интересны. Мы знаем, кем был Эннана и для кого он обычно переписывал папирусы. Он был одним из чиновников сокровищницы и писал свои рукописи для ряда важных чиновников, видных вельмож и жрецов. А это помогает нам установить, кто же читал наши сказки в написанном и литературно-обработаннем виде.

То, что их читали именно такие люди подтверждается и самым фактом записи сказок на папирусах — дорогом материале, да еще известными писцами. Такую рукопись мог приобрести только богатый человек.

Мы взглянули на длительный и сложный путь развития египетской сказки и хотя мы и говорили выше, что среди сохранившихся до нас египетских литературных текстов больше всего сказок, все же кроме них мы имеем достаточное количество и других произведений.

Этикетка для рукописи „Сикомора сладостная" из библиотеки фараона Аменхотепа III и царицы Тии

Из всей дошедшей до нас египетской литературной прозы по справедливости следует выделить в первую очередь „Повесть о Синухете".

Эта повесть, несомненно, в свое время пользовалась большой известностью, и считалась одним из образцовых произведений египетской литературы. Это нам показывает уже многочисленность имеющихся у нас экземпляров как всего текста повести, так и отдельных отрывков. В самом деле, нет ни одного египетского литературного произведения, которое дошло бы до нас в таком количестве списков, как „Синухет".

В начале нашей книжки мы уже видели, как находили в гробницах „Повесть о Синухете“, причем мы рассказали только о двух находках, а таких находок „Синухета“ было гораздо больше. Неудивительно поэтому, что в самых различных музеях на папирусах, на черепках, на обломках камней, хранятся теперь образцы этой повести. И у нас в СССР, в Москве в Музее Изобразительных Искусств, также имеются куски папируса, на которых написана часть „Синухета“.

Как видно из перевода, помещенного во второй части нашей книжки, повесть описывает приключения Синухета, одного из знатнейших вельмож при дворе царей Аменемхета I (2000—1970 гг. до х. э.) и Сенусерта I (1970—1935 гг. до х. э.).

Вся повесть очень строго и последовательно выдержана в определенной обстановке определенного исторического момента: это придворный быт начала двадцатого века до х. э. Автор повести, несомненно, сам принадлежал к кругу высшей придворной знати этого времени. Он хорошо осведомлен о жизни и обычаях двора. Ему не только известны формулы царских декретов, но он также прекрасно знаком и с придворной поэзией — образцы и того, и другого вставлены в повесть. Да и самое начало повести — перечень титулов и званий Синухета — звучит как начало любой автобиографии вельмож на стенах их гробниц. Недаром некоторые

ученые задавались вопросом, не был ли Синухет подлинным историческим лицом, оставившим нам свою автобиографию.

Целый ряд моментов поражает живостью описания: таковы — бегство Синухета, прием его у бедуинов, поединок с силачем, возвращение во дворец.

„Повесть о Синухете“ ценилась, видимо, не только за интересное содержание, но и за прекрасный выработанный язык, которым она написана. Меткие сравнения, ритмично построенные фразы, изящество стиля всей повести ставят ее, действительно, на первое место в египетской литературе.

И то, что и для самих египтян эта повесть также являлась образцовой по своим литературным качествам, видно из того влияния, которое она имела на другие тексты. А это влияние несомненно: мы не только видим, что стилю „Синухета“ подражают в других произведениях, написанных приблизительно в то же время (например, в „Сказке о потерпевшем кораблекрушение“), но даже гораздо позднее мы находим отдельные фразы из этой повести вставленными в другие тексты.

Из других произведений, пользовавшихся успехом благодаря своему слогу, назовем „Повесть о красноречивом крестьянине“. В ней рассказывается об одном крестьянине по имени Яхенануп, который отправился из оаза в Египет, нагрузив своих ослов различными продуктами. Тхутинахт, хитрый и жад-

ный подчиненный некоего вельможи Ренси, несправедливо отнимает и груз, и ослов у крестьянина, который идет к самому Ренси и в торжественной речи излагает свою жалобу и просит разобрать дело по справедливости.

Эта речь так нравится Ренси, что он пишет об этом фараону. Последний велит задержать крестьянина и не принимать решения по его делу с целью заставить его произнести побольше красивых речей, которые фараон приказывает тщательно записывать и присылать ему.

Задержанный таким образом крестьянин тщетно произносить одну за другой свои длинные речи, где он в самых витиеватых выражениях, с массой сравнений и эпитетов, взывает к Ренси с просьбой вынести справедливое решение по его делу:

„Ты — руль небесный, ты — столб земной. Руль, не отклонись, столб, не пошатнись ... Смотри, правда ускользает от тебя, ибо она изгнана со своего места ... Приводящий в гавань всех тонущих, спаси того, кто погибает ... Ты — Ра, владыка неба. Пропитание всех людей зависит от тебя, подобно разливу. Ибо ты — Нил, который заставляет зеленеть поля и наполняет опустевшие дороги. Обуздай грабителя, защити бедняка!"

Наконец, уже после девятой речи, когда крестьянин впадает в полное отчаяние, Ренси снисходительно решает прекратить дело. Он объясняет

крестьянину, что его задерживали ради его красноречивых речей и не только возвращает ему его ослов, но, отобрав от Тхутинахта его скот, зерно и все имущество, отдает крестьянину.

Большую группу текстов образуют различные поучения. Обычно они бывают написаны якобы от имени какого-нибудь известного мудреца или вельможи; так, имеются поучения везиря [1] Птахотепа, везиря Кагемни, начальника полей Аменемопе.

Мы уже говорили выше, что такие поучения считались наиболее подходящими текстами для изучения молодыми писцами.

В таких произведениях молодые чиновники поучаются житейскому опыту, накопленному старыми вельможами.

Опыт этот целиком исходит из практики чиновничьего аппарата, и мораль, которую проповедуют эти поучения, является ярким образцом классовой морали господствующего эксплоататорского класса.

Идеалом благополучия выставляется богатство и видные должности крупных чиновников. Чтобы достигнуть этого, молодому человеку откровенно рекомендуется льстивая покорность и смирение перед богатыми и знатными людьми:

„Когда ты сидишь там, где стоит стол того, кто больше тебя, бери, когда он дает то, что лежит

[1] Везирь — главный чиновник государства.

перед тобой. Не смотри на то, что лежит перед ним, а смотри на то, что лежит перед тобою... Опусти лицо твое вниз, пока он не обратится к тебе. Заговори только тогда, когда он обратится к тебе Смейся, когда он смеется — это будет приятно его сердцу.

Сгибай спину твою перед старшим твоим, перед начальником твоим из дома царя. И будет дом твой крепок достатком своим, и жалованье твое будет в порядке. Ибо плохо, когда противятся начальнику; только и можно жить, когда он благосклонен".

Очень часто в таких поучениях разбирается положение военных, ремесленников, крестьян, купцов, причем обязательно доказывается, что самая лучшая участь — это доля писца.

Как мы увидим во второй части книжки из перевода „Поучений Дуау", положение писца, т. е. чиновника, считается самым выгодным и приятным:

„Смотри, нет должности, где бы не было начальника, кроме должности писца, — ибо он сам начальник... Смотри, нет писца, который не кормился бы от достатка дворца" — поучает старый Дуау.

Очень интересны дошедшие до нас тексты, в которых сохранились отзвуки грозных социальных движений, когда-то потрясавших Египет. Мы знаем, что в результате жестокой эксплоатации угнетенного

населения Египта в стране неоднократно вспыхивали восстания. Мы знаем, что наиболее значительное из них имело кратковременный успех, хотя и было в конечном итоге подавлено.

И вот имеется несколько литературных текстов, в которых эти события нашли свое отражение.

Все эти произведения написаны представителями господствующего класса, людьми близкими к царю; понятно поэтому, что все они крайне враждебно относятся к восставшим.

Со страхом и ненавистью рассказывают они о том, как все переменилось в стране и бедные завладели имуществом знатных.

Когда мы говорим о египетской поэзии, мы не должны представлять себе египетские стихи похожими на наши: ни рифмы, ни привычных для нас размеров мы здесь не найдем. И если нам на первый взгляд такие стихи могут показаться очень странными, то возможно, что и древнему египтянину наше стихосложение показалось бы совсем непонятным и ничего не говорящим.

Египетские стихи гораздо теснее связаны с пением, чем наши. И эту близость их к тому или иному напеву нам постоянно надо помнить для того, чтобы суметь правильно их воспринять, потому что только тогда нам станет понятен своеобразный ритм египетской поэзии.

Но при этом не следует забывать еще одного, очень существенного момента, — того, что египетская музыка, это опять совсем не то, что наша музыка. И вполне вероятно, что если бы мы услышали исполнение какого-нибудь египетского гимна квартетом египетских музыкантов, то у нас не получилось бы гармонического восприятия, и, наоборот, возможно, что любая наша прекрасно сыгранная симфония показалась бы набором жутких диссонансов для египетского уха.

Отсюда вполне понятно, что перевести египетские стихи на любой из современных европейских языков так, чтобы дать соответствующее оригиналу представление, не так легко.

Основной прием египетской поэзии заключается в том, что каждый стих состоит из двух параллельных друг другу фраз.

Например:

„Зовут тебя духи восхода,
Поют тебе духи заката".

Или:

„Великий силою, повергает он врага своего,
Могучий дланью, поражает он противника своего".

Этот прием называется параллелизмом членов и является характерной особенностью не только еги-

петской поэзии, но также вавилонской, древнееврейской и др.

Ритм строился в основном на ударных слогах, количество же неударных слогов по существу не играло роли.

Другим приемом египетской поэзии является подбор всевозможных однозвучных слов, различные умышленные соединения одинаково или похоже звучащих сочетаний. Они составляют характерную черту египетской поэзии и легко улавливаются при чтении любого поэтического отрывка.

Приведем несколько примеров таких созвучий, взятых на выбор из различных гимнов. Вот пример на подбор слов со звуком Х:

Хека нефер, ха эм хеджет —
Князь прекрасный, сияющиий в белой короне.

Другой пример, где перекликаются звуки Х, Н, М:

Хэт эн анх эн хенмемт
Плодовые деревья для людей.

Таких примеров можно было бы привести бесконечно много, так как египетская поэзия полна ими.

И не только в поэзии, но и в художественной прозе применялся этот излюбленный прием, — как яркий пример этого можно привести одну замеча-

тельную строчку из „Сказки о потерпевшем кораблекрушении“: там про моряков, сопровождавших героя сказки в роковое плавание, говорится, что они были вполне опытными мореплавателями, так как:

„Они видали небо и видали землю, и храбры были сердца их более, чем у львов“.

По-египетски эта фраза звучит так:

„*Маа*сен пет, *маа*сен та, *ма*ка йебсен эр *маау*“, давая таким образом великолепный подбор созвучных слов *маа* („видеть“), *ма*ка („храбрый“) и *маау* („львы“).

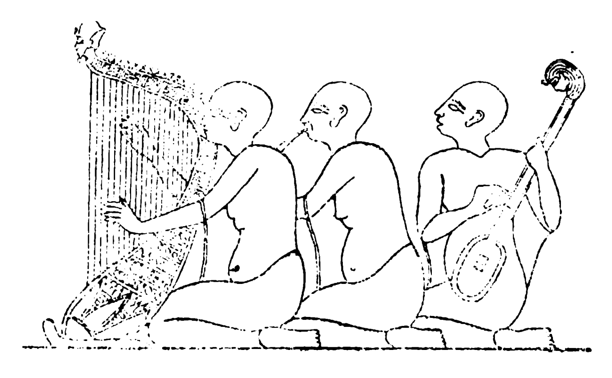
Тщательно выработанный, очень выразительный язык, которым написаны египетские поэтические тексты, обилие ярких образных выражений, не говоря уже о большой певучести стиха, которую придает постоянное применение созвучий, — все это говорит о высокой художественной ценности египетской поэзии.

Среди дошедших до нас поэтических текстов мы имеем и отрывки рабочей песенки, и любовные стихи, и гимны, в которых воспеваются различные цари и боги.

Посмотрим, где именно и в каком виде сохранились те или иные из этих текстов, каких из них дошло до нас больше, а какие имеются только в виде отдельных образцов.

Больше всего сохранилось религиозных гимнов а также гимнов, воспевающих фараонов.

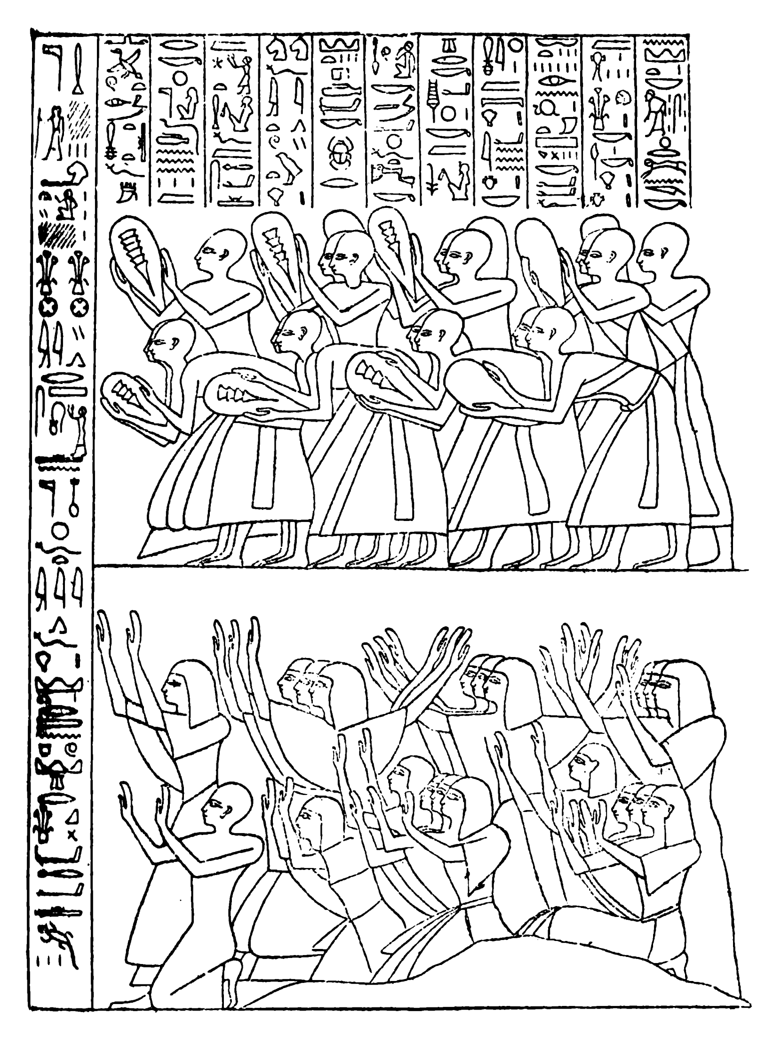
Религиозные гимны пелись во всех египетских храмах при каждой службе, особенно же торжественные и красивые из них пелись во время различных праздников. Тогда жрецы выносили в пышных процессиях статуи богов из храмов, несли их по широким аллеям, окаймленным рядами мощных

Хор жрецов

каменных сфинксов, и, пройдя по городу, возвращались обратно. Такие процессии сопровождали многочисленные хоры певцов и музыкантов, которые исполняли хвалебные песнопения божеству.

В этих гимнах содержатся всевозможные прославления и хвалы тому или иному богу, упоминаются различные легенды, которые рассказывали про этих богов, перечисляются просьбы, с которыми обращаются к богам люди. Гимны эти высекались

Жрецы и князья приветствуют гимнами возвращение фараона Сети I из похода

на высоких стенах храмов, на заупокойных плитах гробниц, писались на многочисленных папирусах сотнями жрецов; переписывались на черепках в школах.

Также много дошло до нас и хвалебных песен фараонам. Составлены ли они для коронации нового фараона или по поводу возвращения египетского войска из очередного грабительского похода — все они одинаково прославляют особу того или иного царя, сравнивая его с сильным быком, могучим львом или быстрым кобчиком, восхваляя его военные успехи, силу его оружия, меткость его стрел.

Так же, как и религиозные гимны, они высечены на стенах храмов рядом с огромными рельефами, изображающими фараона-победителя на колеснице, запряженной парой великолепных коней в нарядной сбруе, со страусовыми перьями на головах. Крепкие возжи привязаны к поясу фараона, в руках он держит туго натянутый лук, копыта лошадей топчут пораженных врагов.

Высокого художественного качества рельефы — работа лучших придворных скульпторов, прекрасные звучные стихи — произведения талантливейших придворных поэтов; и то, и другое должно произвести сильное впечатление на народ, должно внушить ему, что его фараон велик, могуч и силен.

Так же, как и религиозные гимны, переписывают и заучивают египетские школьники и бесконечные

восхваления фараону, с юных лет запоминают они красивые стихи, прославляющие владык Египта.

И вот, в противоположность многочисленности этих гимнов, только в виде исключения, только благодаря случаю попадаются нам песенки, которые пели за работой египетские крестьяне и ремесленники.

Иногда художник, расписывая гробницу какого-нибудь вельможи и изображая полевые работы на его полях или ремесленников за работой в его мастерских, хотел придать больше живости этим рисункам и приписывал над изображениями людей те слова, которые, по его мнению, они могли друг другу сказать в такой обстановке.

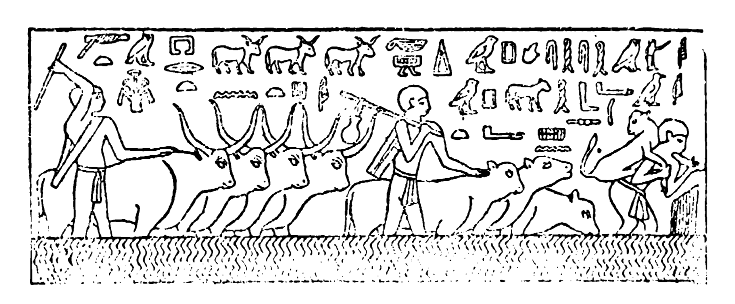
Вот среди этих-то „разговорных надписей“ мы и встречаем иногда запись какой-нибудь коротенькой песенки, которую пели или молотильщики при обмолачивании колосьев, или пастухи, прогоняя свои стада через реку.

Необычайна резка разница между этими песенками и религиозно-придворной поэзией. Торжественный, напыщенный язык гимнов, пышные образы, отточенные обороты придают этой официальной поэзии ту же монументальность и тот же тяжеловесный эффект, которым отличаются и самые храмы, на стенах которых изображены гимны.

В полную противоположность с ними песенки молотильщиков, пастухов и носильщиков необы-

чайно просты и безыскуственны. В них говорится о том, как живут и работают эти люди, как трудятся их быки, и непосредственность этих песенок как будто переносит нас в самую жизнь их авторов.

Мы должны быть очень благодарны тем художникам, которые сохранили нам эти песенки.

Пастухи при переправе. Над изображениями написана песня, которую поют пастухи

Литература господствующей верхушки египетского общества дошла до нас во многих ярких образцах. Религиозные и придворные гимны видны на стенах всех храмов. Повести, автобиографии, рассказы, любовные стихи, легенды о богах и героях записаны на многих свитках папирусов, на обломках камней и черепков.

Творчество же народных масс Египта почти совершенно не дошло до нас.

Оно не было интересно господствующему классу, образцы его не собирались и, конечно, не переписывались и не изучались в школах. Кое-что говорят нам о нем сказки, но и они уже прошли определенную литературную обработку.

И только отрывки маленьких песенок в углах пышно расписанных гробниц сохранили нам через тысячелетия подлинные образцы творчества египетских народных масс.

ЧТО ЧИТАЛИ
Е Г И П Т Я Н Е
ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ
ТОМУ НАЗАД

1

СКАЗКА О ПОТЕРПЕВШЕМ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ [1]

Сказал дружинник верный:

„Да успокоится сердце твое, князь мой. Вот, достигли мы родины: взята колотушка, вбит столб, носовой канат брошен на землю. Воздают хвалы, благодарят бога, все люди обнимают друг друга.

Отряд наш пришел целым, нет убыли в войске нашем. Достигли мы пределов Вават, прошли мы Сенмут. [2] Вот, пришли мы в мире, и страна наша —

[1] Папирус, на котором написана „Сказка о потерпевшем кораблекрушение", находится в Государственном Эрмитаже и пользуется мировой известностью. Написан он около 2000 г. до н. э.

[2] Вават — часть Нубии, к югу от Короско; Сенмут — остров Биге.

вот, мы достигли ее. Выслушай же меня, князь мой, я лишен лжи. Умойся, налей воды на пальцы твои. Да ответишь ты, когда обратятся к тебе, и когда ты будешь говорить царю — да будет сердце твое в руке твоей и да ответишь ты без запинки: уста человека спасают его, но речь его может и погубить его. Но да поступишь ты согласно сердцу твоему, ибо утомительно убеждать тебя.

Расскажу же я тебе нечто подобное, случившееся со мной самим, когда я отправился к руднику фараона, когда я спустился к морю в корабле полутораста локтей длиною и сорока шириною. И было полтораста матросов в нем из отборнейших Египта: видали они небо, видали они землю и храбры были сердца их более, чем у львов. Предсказывали они, что ветер не выйдет и что бури не случится. (Но) ветер вышел, когда (еще) мы были в море, прежде, чем коснулись мы земли. Поднялся ветер, увеличил он волны до восьми локтей. Вот бревно, схватил я его.

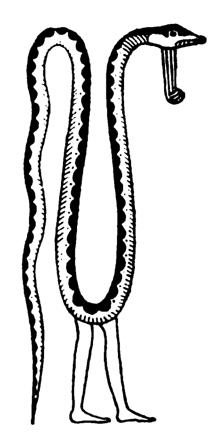
Корабль погиб, и из бывших на нем не осталось никого.

Я был выброшен морской волной на остров. Провел я на нем три дня в одиночестве, и только сердце мое было моим товарищем. Заснул я под тенью дерева, обнял я тень. Затем отправился я поискать себе пищи (буквально — „протянул я ноги мои, чтобы найти что-нибудь положить в рот мой").

Нашел я смоквы и виноград там, чеснок всякий прекрасный, плоды „кау“ там и „некут“, огурцы какие только бывают, рыбы там и птицы, и нет ничего такого, чего бы не было в нем.

Насытился я и положил еще на землю, ибо слишком много было на руках моих. Добыл я огниво, сделал и огонь. Сотворил я жертву богам.

Услышал я голос сильный и подумал я, что это морская волна. Деревья закачались, земля затряслась. Открыл я лицо свое и увидел, что это — змей, который шел. Он был тридцати локтей, а борода его больше двух локтей. Члены его были украшены золотом, а брови — из ляпис-лазули [1] настоящего, и извивался он вперед.

„Увидел я, что это змей, который шел“...

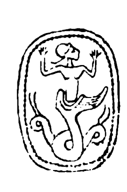
Открыл он рот свой ко мне, в то время как я был на животе моем перед ним. Сказал он мне:

„Кто принес тебя, кто принес тебя, малый, кто принес тебя? Если ты будешь медлить, говоря мне, кто принес тебя на этот остров, — то я дам тебе узнать тебя (т. е. почувствовать, кто ты такой): ты превратишься в уголь и станешь, как нечто не-

[1] Синий камень.

видимое. Ты говоришь мне, но я не слышу этого и хотя я пред тобою, я не понимаю".

Взял он меня в рот свой, отнес он меня к месту отдыха своего, положил он меня, не повредив мне, был я цел, не было ничего отнято от меня.

Резной камень с изображением змея, несущего в пасти человека (Госуд. Эрмитаж)

И открыл он рот свой ко мне, а я был на животе своем перед ним. И сказал он мне:

„Кто принес тебя, кто принес тебя, малый, кто принес тебя на этот морской остров, берега которого в волнах?"

И ответил я ему так, а руки мои были протянуты перед ним. Сказал я ему:

„Я спустился к руднику, как посол царя, в корабле полутораста локтей длиною и сорока локтей шириною, и было полтораста матросов в нем из отборнейших Египта: видали они небо, и видали они землю, и храбры были сердца их более чем у львов. Предсказывали они, что ветер не выйдет и что бури не случится. Сердце каждого из них было храбрее и рука была сильнее, чем у другого, и не было глупца среди них. (Но) ветер вышел, когда мы были (еще) в море, прежде, чем коснулись мы земли. Поднялся вихрь, увеличил он волны до восьми локтей. Вот бревно, схватил я его. Корабль погиб, и из бывших на нем не осталось никого, кроме меня.

И вот, я — рядом с тобой: я был выброшен морской волной на остров этот“.

И сказал он мне:

„Не бойся, не бойся, малый, не пугайся. Ты достиг меня — вот, бог дал тебе жизнь, принес он тебя на остров этот „Духа“, где нет ничего такого, чего бы не было в нем, ибо он наполнен вещами всякими прекрасными. Вот, ты проведешь месяц за месяцем, пока исполнишь ты четыре месяца внутри острова этого.

И придет корабль из столицы, с матросами на нем, которых ты знаешь. Отправишься ты с ними в столицу, умрешь ты в городе своем.

О, как приятно рассказывать о том, что уже испытано, когда боль уже прошла. Расскажу и я тебе нечто подобное, случившееся на острове этом. Был я на нем вместе с братьями моими и детьми моими, в окружении их, и достигли мы (количества) семидесяти пяти змей, дети мои и братья мои. Не упоминаю я тебе о дочери юной, принесенной мне судьбой. И упала звезда, и загорелись эти от нее. И случилось, что не было меня с горевшими, не было меня посреди них. И я чуть не умер из-за них, когда я нашел их (в виде) одной кучи (трупов).

Если ты силен, то укрепи сердце твое и обнимешь ты детей твоих, и поцелуешь ты жену твою, и увидишь ты дом твой, а это лучше всех вещей.

Достигнешь ты столицы и будешь в ней посреди братьев твоих".

И распростерся я на животе моем, и коснулся я почвы перед ним. И сказал я ему:

„Я расскажу о силе твоей царю, сделаю я, что узнает он величие твое. Сделаю я, что принесут тебе (благовония) „иби", „хекену", „иуденеб", „хесаит", ладан храмовой, которым удовлетворяют каждого бога. Расскажу я ему все, случившееся со мною, все, виденное мною из-за силы его. Прославлю я тебя в столице пред лицом кенбета всей страны. Зарежут тебе в жертву быков, заколют тебе птиц, приведут к тебе ладьи, нагруженные прекраснейшим всем Египта, подобно тому, как делают богу, любящему людей в краю далеком, которого не знают люди".

Засмеялся он, как будто то, что я сказал ему, было глупостью для сердца его. Сказал он мне:

„Не много (есть) у тебя (благовония) „антиу"; все что ты имеешь, это — (простой) ладан. Я же — владыка Пунта [1] и „антиу" — мое. Что же касается этого „хекену", о котором ты сказал, что его принесут его множество на этом острове. Случится же, что после того, как ты удалишься от места этого,

[1] Пунт — страна, откуда египтяне вывозили благовония, душистые деревья, обезьян и т. п. По мнению одних ученых - юг Аравии, по мнению других — нынешнее Сомали.

ты никогда не увидишь острова этого, ибо он превратится в волны".

И пришел корабль, как он предсказал раньше. И я отправился, влез на дерево высокое, и узнал я находившихся в нем. И отправился я, чтобы известить об этом (змея). Нашел я его (уже) знающим это. И сказал он мне:

„Счастливо тебе, счастливо тебе, малый, к дому твоему, да увидишь ты детей твоих, да сделаешь имя твое славным в городе твоем, вот пожелания мои тебе".

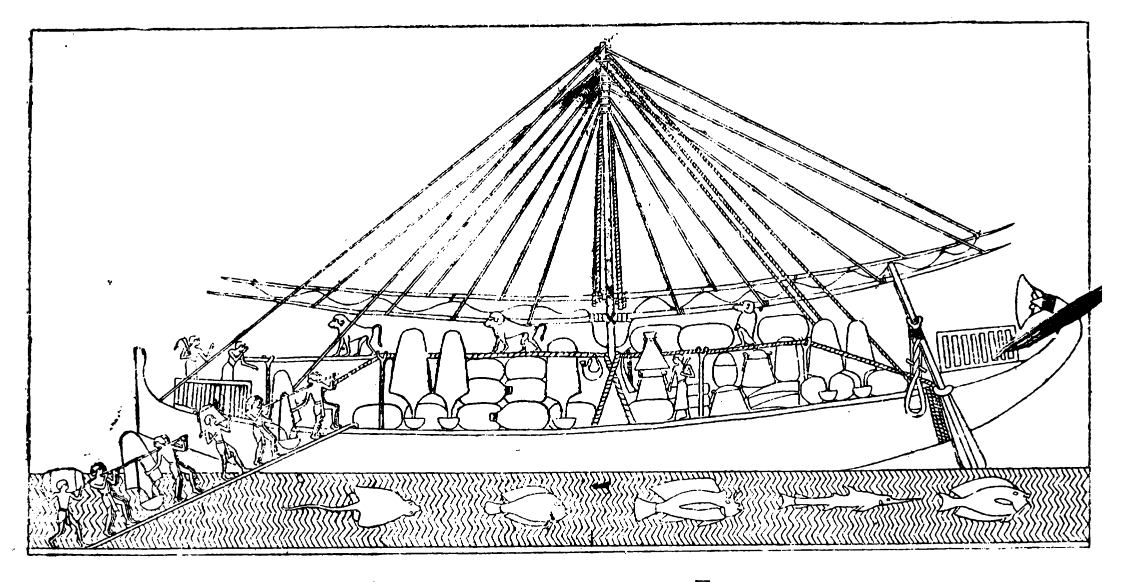
И я упал на живот мой, и согнул руки мои перед ним. И дал он мне дары из „антиу", „хекену", „иуденеб", „хесаит", „тишепс", „шасас",[1] мази „месдемт", хвостов жираф, большой „мерерит" ладана, клыков слонов, собак, обезьян „гуф", обезьян „киу", отличного всего прекрасного.

И я нагрузил это на корабль этот. И вот, распростерся я на живот свой, чтобы поблагодарить его. И сказал он мне:

„Вот, ты достигнешь столицы через два месяца, обнимешь ты детей твоих, упокоишься в гробнице твоей". [2]

[1] Различные благовония.

[2] Обычное пожелание у египтян, считавших большим несчастьем быть погребенными на чужбине. Сравни дальше в „Повести о Синухете".

Корабль с грузом из страны Пунт

Спустился я на берег около корабля этого. Позвал я матросов, которые были на корабле этом. Воздал я на берегу хвалу господину острова этого, и те, которые находились со мною, сделали то же.

Поплыли мы к северу к столице царя. Прибыли мы в столицу через два месяца, подобно всему, что он сказал.

И вошел я к царю, и поднес я ему дары эти, которые я принес с острова этого. И поблагодарил он меня перед лицом совета всей страны. Был я сделан дружинником, был я награжден людьми его.

Посмотри же на меня после того, как я достиг земли, после того, как я пересмотрел все то, что я испытал. Вот послушай меня, ибо хорошо слушаться человеку".

И сказал он (т. е. князь) мне:

„Не хитри, друг мой. Ибо кто дает на заре воду птице, которую утром заколет"?

Закончен (этот рассказ) от начала его до конца его, как был он найден записанным. Написал писец ловкий пальцами Амени-Амонаа, жизнь, здоровье, сила.

2

ВОЛШЕБНИК ДЕДИ

Краткое содержание предыдущей части папируса: царь Хуфу (Хеопс) скучает. Чтобы развлечь фараона, его сыновья по очереди рассказывают отцу занимательные истории про различных мудрецов и волшебников, живших во времена предков фараона. Последним встает царевич Хардедеф, который рассказывает о волшебнике Деди.

Встал царевич Хардедеф, чтобы рассказывать и сказал он: „(До сих пор ты слушал рассказы о том), что знали те, которые уже прошли, [1] о которых неизвестно, правда-ли это. (Но вот ведь есть волшебник, живущий) в твое собственное время“... И сказал его величество: „Кто это, Хардедеф, сын мой?“

И сказал царевич Хардедеф: „Это горожанин по имени Деди и живет он в Джед-Снофру. Это

[1] Предки.

горожанин 110 лет от роду и он съедает по 500 хлебов и мясо бычьего бедра и выпивает 10 кружек пива вплоть доныне.[1] И он умеет снова приставить отрубленную голову, и он умеет заставить льва идти позади себя, причем веревка его (лежит) на земле"...[2]

И сказал его величество: „Ты сам, Хардедеф, сын мой, приведи его ко мне".

Вельможа на носилках

Тогда приготовили ладьи для царевича Хардедефа, и отправился он вверх по Нилу в Джед-Сно-

[1] Он настолько здоров и крепок, несмотря на свой возраст.

[2] Т. е., лев покорно идет сзади волшебника без привязи.

фру. И после того, как ладьи пристали к дамбе, отправился он на берег и воссел он на носилки из эбенового дерева с шестами из дерева „сесенеджем“, украшенными золотом.

И после того, как достигли они до Деди, опустили носилки и встал он (царевич), чтобы приветствовать его (Деди).

Нашел он его лежащим на цыновке на пороге его дома, и один слуга держал его голову и натирал ее, а другой натирал ноги его.

И сказал ему царевич Хардедеф:... „Привет, о почтенный! Я пришел сюда, чтобы позвать тебя, как посланник отца моего Хуфу, да вкусишь ты то прекрасное, что дает царь, пищу тех, которые находятся в его свите, да проводит он тебя в жизни прекрасной к отцам твоим, которые находятся в некрополе.“ [1]

И сказал Деди этот: „В мире, в мире, Хардедеф царевич, возлюбленный отцом своим. Да хвалит тебя отец твой Хуфу! Да выдвинет он место твое среди старейшин! Да поборет дух твой врагов твоих!... Привет, царевич!“ И протянул ему царевич Хардедеф руки свои и поднял он его, и отправился он с ним к дамбе, дав ему руку свою.

И сказал Деди: „Пусть дадут мне корабль, чтобы привез он мне детей моих и книги мои“.

[1] Т. е., чтобы ты у него счастливо провел остаток твоей жизни.

И поставили ему два корабля с командами их, и Деди отправился вниз по Нилу в ладье, в которой был царевич Хардедеф.

И после того, как достиг он столицы, вышел царевич Хардедеф, чтобы сообщить это величеству царя Хуфу.

И сказал царевич Хардедеф: „О царь, жизнь, здоровье, сила, господин мой! Привел я Деди“.

И сказал его величество: „Пойди и приведи его ко мне“.

И прошел его величество в тронный зал дворца.

И привели к нему Деди.

И сказал его величество: „Как это, Деди, я тебя еще не видел?“

И сказал Деди: „Тот, кто позван — приходит; царь позвал меня — и вот я пришел.“

И сказал его величество: „Правда ли это, что говорят, будто ты умеешь приставить голову отрубленную?“

И сказал Деди: „Да, я умею, о царь, господин мой“.

И сказал его величество: „Пусть приведут ко мне узника, который в темнице, да исполнится казнь его!“

И сказал Деди: „Не на человеке, о царь, господин мой! Вот, не прикажут-ли сделать нечто подобное на прекрасном скоте?“

И привели к нему гуся, и отрубили ему голову. И положили гуся в правую часть зала, а голову его в левую часть зала.

И проговорил Деди изречения волшебные. И вот гусь встал и заковылял, и голова также. И после того, как один достиг другую, встал гусь и загоготал. И заставил он себе принести утку, и сделал он подобное.

После этого Деди повторяет еще раз то же с быком, а затем показывает, как лев ходит за ним следом без привязи.

3

ВЗЯТИЕ ЯФФЫ [1]

Сохранилась только вторая половина папируса. Повидимому, вначале рассказывалось об осаде Яффы египетским войском под командой полководца Тхутия.[2] Тхутий, видя, что силой взять осажденный город он не может, приглашает к себе в лагерь на пир князя Яффы, обещая перейти на сторону последнего. Сохранившаяся часть папируса начинается с рассказа об этом пире

И вот после того, как прошло время пирования· сказал Тхутий (князю Яффы): „Пожалуйста, я скроюсь вместе с женой и детьми в городе твоем собственном. Прикажи же, чтобы вошли конники [3] мои

[1] Яффа — город в Сирии.

[2] Тхутий — один из полководцев фараона Тутмеса III (1478—1447 гг. до хр. э.), участник ряда походов в Сирию.

[3] Очевидно, в войске Тхутия был недостаток в фураже, и он требует, чтобы его лошади были немедленно накормлены по приказу князя Яффы.

с лошадьми своими, и пусть дадут им корм". И ввели их, и стреножили лошадей, и дали им корм.

(И захотел князь Яффы увидеть булаву[1]) царя Тутмеса, и пришли, и сообщили об этом Тхутию.

(И вот после этого князь Яффы сказал Тхутию: „Мое желание — посмотреть булаву великую царя Тутмеса, которая называется ... прекрасная. Клянусь царем Тутмесом! Она ведь сегодня у тебя, (сделай милость), принеси ее мне". Он сделал это и принес булаву царя Тутмеса. (Он схватил князя Яффы за) одежду и встал перед ним и сказал:

„Взгляни сюда, о князь Яффы! (Вот булава великая царя Тутмеса, льва свирепого, сына Сохмет")[2]

И он поразил князя Яффы в висок, и тот упал без (сознания) перед ним.

(И он связал его кожаными ремнями, и заковал цепями) медными князя Яффы, и надели на ноги его оковы в четыре кольца.

И велел он (т. е. Тхутий) принести 500 вместилищ, которые он приказал сделать и велел он спуститься в них двумстам воинам. И наполнили другие (триста вместилищ) веревками и колодками, и запечатали их печатью, и снабдили их плетен-

[1] Тхутий, как заменяющий фараона в роли главнокомандующего, имеет при себе и царскую булаву.

[2] Тутмес III назван свирепым львом и сыном Сохмет, т. е. богини войны, чтобы создать впечатление о силе и мощи фараона

ками их и носилками их... И погрузили их на крепких воинов, числом 500 человек.

Египетское войско осаждает азиатскую крепость

И сказали им: „Когда вы войдете в город, выпустите товарищей ваших и схватите всех людей в городе и перевяжите их тотчас же“.

И вышли и сказали колесничему князя Яффы: „(Приказал) господин твой:“ Иди и скажи твоей

владычице:[1] радуйся, ибо Сутех[2] дал нам Тхутия вместе с женой его и детьми его. Смотри, вот вещи их." (Разумея под этим 200[3] вместилищ, наполненных людьми, веревками и колодками). И он пошел во главе их, чтобы приветствовать владычицу свою и сказать: „Схватили мы Тхутия"!

И открыли ворота города перед воинами. И вошли они в город, и выпустили они товарищей своих.

И овладели они городом, и малыми и великими и перевязали их, и надели колодки тотчас же.

[1] Жене князя Яффы

[2] Сутех — враждебное божество; Сутехами египтяне называли, между прочим, и все божества, которым поклонялись чужеземцы

[3] Видимо описка, надо читать „500".

4

СКАЗАНИЕ ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ СОГРЕШИВШИХ ЛЮДЕЙ[1]

Вот люди замыслили злые дела. Был же его величество,[2] жизнь, здоровье, сила, стар; кости его стали серебром, члены его золотом, волосы — лапислазули истинным.

И узнал его величество, жизнь, здоровье, сила, дела (которые замыслили против него люди). И сказало его величество, жизнь, здоровье, сила, тем,

[1] Основной мотив этого мифа тот же, что и в вавилонском и в библейском сказаниях о потопе — люди прогневили божество, которое их в накавание истребляет. Богиня Сохмет олицетворяет со[illegible] палящий летний зной. В разлитом по полям красном пиве, спасающем людей от смерти, отразилось представление о спасительной силе разлива Нила. Характерно, что в начале разлива нильская вода имеет красноватый оттенок, благодаря тем частицам, которые она несет с собой.

[2] Бог солнца Ра, царь богов. После его титула в тексте везде прибавлены слова „жизнь, здоровье, сила“, которые всегда ставились после имени фараонов в виде пожелания счастья.

которые были в его свите: „позовите мне Око [1] моё, Шу, Тефнут, Геба, Нут, вместе с отцами и матерями, которые были со мной, когда я был в Нуне (хаосе), а также и самого бога Нуна. Да приведет он свиту свою тайно, чтоб не увидели их люди и не испугались сердца их. Да приведешь ты (Нун) их в Зал Великий, чтобы сказали они планы свои"...

Когда же (вошли) эти боги к нему, распростерлись они перед его величеством, чтобы сказал он слова свои перед отцом старейших, создавшим людей...

И сказали они перед его величеством:

„Говори для нас, чтобы мы это слышали".

И сказал Ра Нуну:

„Отец старейших, ты, из которого я родился! [2] Боги-предки, смотрите, — люди, созданные из глаза моего, замыслили они злое против меня. Скажите мне то, что бы вы сделали против этого. Вот, я подождал, не убил я их прежде, чем не услышал я то, что вы скажете об этом".

Сказал его величество Нун:

„Сын мой Ра, бог более великий, чем создавший его и чем сотворившие его. Крепок трон твой и велик страх твой, и Око твое против оскорбивших тебя".

Сказал его величество Ра:

[1] Дочь Ра, Хатор-Сохмет.

[2] По легенде, Ра возник из хаоса—Нуна.

„Вот, они убежали в пустыню и сердца их боятся из-за того, что они сделали“...

И сказали они его величеству:

„Да пойдет Око твое и да поразит оно для тебя замышляющих злое... и да сойдет оно в образе Хатор“.

И пошла богиня и поразила она людей в пустыне.

Сказало величество бога этого:

„Иди в мире, Хатор, ибо ты сделала то, (для чего я посылал тебя)“.

Сказала богиня эта:

„Жив ты, победила я людей, и сладостно это для сердца моего“.

Сказало величество Ра:

„Могуч я“... И возникло имя Сохмет (Могучая)[1]

Богиня Сохмет

(Таким образом Ра доволен — он отомщен. Но Сохмет понравилось уничтожать людей, она еще не насытилась их кровью и вот она собирается на следующее утро произвести окончательную резню.

[1] Здесь мы встречаемся с верой в магическую силу слова вообще и имени в частности. Ра произносит слова „Могуч я“ („могучий“, по-египетски звучит „сохем“) и тотчас возникает новое имя богини „Сохмет“; в качестве Сохмет богиня становится особенно сильной и свирепой.

Но Ра этого уже не хочет. Желая спасти людей, он решается на хитрость).

Сказал Ра:

„Позовите мне быстро бегущих гонцов, да прибегут они ко мне, подобно тени тела“.

Были приведены эти гонцы тотчас же.

Сказало величество этого бога:

„Да бегут они в Элефантину, да принесут они мне много диди“. [1]

Были принесены ему эти диди.

Дало величество этого великого бога „Кудрявому, который в Гелиополе“[2], чтобы смолол он диди эти. Служанки же приготовили пиво из ячменя.

Положили диди эти в сосуды (с пивом) и было (оно подобно) крови людей.

Было приготовлено пива 7 000 кружек... И пришел его величество, царь Верхнего и Нижнего Египта, Ра вместе с богами этими, чтобы посмотреть пиво это.

Было же это утро, когда хотела богиня убить людей.

Сказал его величество Ра:

„О как прекрасны они (диди). Я спасу ими людей“.

Сказал Ра:

„Отнесите их в место, где она хочет убить людей там“.

[1] Красный минерал.

[2] Неизвестное божество.

Его величество, царь Верхнего и Нижнего Египта, Ра поднялся рано в красотах ночи, чтоб дать вылить жидкость этих сосудов.

И были поля полны влагой до четырех мер (в высоту)...

Утром пришла эта богиня и нашла это залитым. И было лицо ее радостным там. И пила она, и сладостно было это сердцу ее. И пошла она пьяная и не узнала людей.

И сказал Ра богине этой:

„Иди в мире, о богиня могучая“.

5

ПОВЕСТЬ О СИНУХЕТЕ

Родовитый князь, судья, начальник владений царя в землях азиатов, действительно известный царю, любимый и состоящий в свите его, Синухет говорит:

Я был в свите, следующим за господином своим, слугой царского гарема государыни высоко хвалимой жены царя Сенусерта в Хнумт-Исут, дочери царя Аменемхета в Канофру, Нофру,[1] почтенной.

В тридцатый год, третий месяц наводнения[2], в день седьмой поднялся бог[3] в горизонт свой, царь

[1] Царица Нофру, дочь Аменемхета I (2000- 1970) и жена Сенусерта I (1970—1935).

[2] Летоисчисление в Египте велось по годам правления фараонов. В данном случае „год тридцатый" значит тридцатый год правления фараона Аменемхета I. Времен года было три: время наводнения, зима и лето. На каждое время года приходилось по 4 месяца.

[3] Т.-е. фараон умер.

Верхнего и Нижнего Египта Схотепейбра[1] восшел на небо, соединился с солнцем, и тело бога слилось с создавшим его.

Столица была в безмолвии и сердца в печали; великие врата были закрыты; придворные склонили головы на колени, народ был в стенаниях.

Войско же отослал его величество в землю Тимхи,[2] и сын его старший был во главе его, бог прекрасный Сенусерт. Был он послан, чтобы нанести удар странам, чтобы поразить находящихся в Техену. И шел он, и вел он пленных Техену и скота всякого без границ.

Семеры[3] же двора послали на западный берег, чтобы дать знать царевичу о событиях, случившихся во дворце.

Нашли его послы в пути. Настигли они его к ночи. Ни минуты не медлил он, кобчиком полетел со свитой своей, не дал он знать войску своему.

Но вот послали к царским детям, находившимся позади него в войске этом, и позвали одного из них.

Вот, я стоял и слышал я голос его, пока он говорил, был я недалеко. Сердце мое смешалось,

[1] Тронное имя Аменемхета I.

[2] Ливия.

[3] Высшие придворные чины.

руки мои распростерлись, дрожь пала на все члены мои. Я удалился прыжками, чтобы найти место, где спрятаться. Я поместился между двумя кустами, чтобы оставить дорогу идущим по ней.

Отправился я к югу, но не собирался достигнуть столицы, ибо я думал, что будет смута, и не надеялся жить после этого.

Переправился я через озеро Маати вблизи Сикоморы и пристал я к острову Снофру. Провел я время там в открытом поле и отправился на рассвете, едва начался день.

Я встретил человека, стоявшего на краю дороги. Изумился он мне и испугался он.

Когда настало время ужина, достиг я селения Гау. Переправился я в ладье без руля с помощью западного ветра и прошел к востоку от каменоломни в области „Владычицы Красной Горы"

Я направил стопы свои к северу и достиг Стены Князя, сделанной для сопротивления азиатам, для отражения „Бродящих по пескам".

Я пригнулся в кустах в страхе, что увидят меня на стене стражники-часовые.

Отправился я ночью, а когда рассвело, я достиг Петни и остановился на острове Кемуэр.

Напала на меня жажда, настигла она меня, задыхался я, горло мое горело, и сказал я „это вкус смерти".

Тогда я поднял сердце мое и собрал члены мои, и услышал я голос мычащих стад, и увидел я азиатов.

Узнал меня вождь их, бывший в Египте.

И дал он мне воды, вскипятил мне молока. Отправился я с ним к племени его, и хорошо они сделали мне.

Страна передавала меня стране. Я направился в Библос, я проследовал до Кедема. Провел я полтора года там. И увел меня Энши, сын Аму, князь Верхнего Ретену и сказал мне:

„Хорошо тебе будет со мною, — услышишь ты египетскую речь".

Сказал он это мне, ибо он знал качества мои и слышал о разуме моем, потому что засвидетельствовали обо мне египтяне, бывшие там с ним.

И сказал он мне:

„Зачем ты прибыл сюда?... Разве случилось что-нибудь в столице"?

И я сказал ему:

„Схотепейбра восшел на небо, и не знают что случится из-за этого".

И сказал я потом неправду:

„Я пришел из похода в страну Тимхи, и сообщили мне. Сердце мое ослабело, сердца моего не стало в теле моем, увело оно меня далеко. Но не говорили плохого обо мне, не плевали в лицо мое, не слышали имени моего в устах глашатая. Я не

знаю, что привело меня в страну эту. Было это подобно воле бога".

И сказал он мне:

„Как же осталась та страна без этого благодетельного бога, страх которого был по всем странам подобно Сохмет в год чумы?"

И сказал я ему, и ответил ему:[1]

„Сын его вошел во дворец,
Принял наследство отца своего.
Бог это, нет подобного ему,
Нет другого, превосходящего его.
Владыка мудрости это, искусный планами,
Опытный указами, выходят и уходят по указам его.
Это он поборол страны, пока был отец его во дворце[2],
Сообщал он ему (неизменно), что порученное ему совершилось.
Силач это, действующий мощною рукою,
Храбрец, и нет подобного ему,
Когда видят его идущим на лучников
И бросающимся на врагов.
Сгибающий рог это и ослабляющий руки,

[1] Синухет произносит восхваление молодому фараону, изложенное в поэтической форме и содержащее льстивое перечисление его качеств как полководца и правителя.

[2] Сенусерт еще при жизни отца был назначен его соправителем.

Не могут построить враги его рядов.
Мститель это, разбивающий лбы,
И никто не устоит перед ним.
Широко-шагающий это, бьющий бегущего,
Нет числа обращающих тыл перед ним.
Смелый сердцем это в час преследования,
И возвращается он, не обращая тыла.
Крепкий сердцем это, когда видит он врагов своих,
Не дает уставать он сердцу своему.
Могучий это, когда идет он на азиатов,
Радость ему это—поразить лучников.
Берет он щит, попирает ногами,
Не повторяет он удара при убиении.
Нет того, кто пустил бы стрелу его,
Нет того, кто натянул бы лук его.
Бегут лучники пред лицом его,
Как пред силой „Великой".
Когда он сражается, не знает он границ,
Не щадит он, и нет остатка.
Владыка благости это, великий сладостью,
Завладел он любовью.
Любит его город его больше, чем самого себя,
Ликует он ему громче, чем богу своему.
Идут мужчины и женщины, радуясь ему,
Ибо стал он царем.
Побеждал он, будучи еще в яйце,
И лик его обращен к власти с рождения.

Умножающий это рожденных с ним,

Единый это богоданный, и радостна земля под властью его,

Расширяющий границы это, — схватит он земли южные.

Не подумает ли он и о северных?

Ибо создан он для поражения азиатов,

Для истребления бродящих по пескам".

Сказал он мне: „Воистину, Египет счастлив, ибо знает что он процветает. Но, вот ты здесь, останься со мной, и я хорошо поступлю с тобой".

Поставил он меня во главе детей его и женил он меня на дочери своей старшей. Дал он мне выбрать из отборнейшей земли его, которая была у него, на границе его с другой страной.

Земля эта была прекрасна, Иаа было имя ее. Были смоквы в ней и виноград, больше в ней вина, чем воды, обилен мед ее, и многочисленны маслины ее, и плоды всякие на деревьях ее. Была там пшеница и полба, и нет пределов различным стадам. Обильно было и то, что доставлялось ко мне вследствие любви ко мне.

Поставил он меня начальником племени отборнейшего в стране. Доставляли мне хлебы ежедневно и вино каждый день, вареное мясо и жареную рыбу, не считая скота пустыни, ибо охотились для меня и складывали предо мной, не считая того, что приносили мои собаки.

Доставляли мне вещей множество и молоко, приготовленное всячески.

Провел я много лет, и дети мои стали силачами, каждый из них повелителем племени своего.

Посол, направлявшийся на север или на юг к столице, гостил у меня, ибо я оказывал гостеприимство всем. Давал я воду жаждавшему, ставил я заблудившегося на дорогу, спасал я подвергавшегося нападению.

Когда кочевники осмеливались противодействовать князьям пустыни, руководил я передвижением их (т. е. князей), ибо князь этой страны Ретену поставил меня на многие годы начальником его войска.

Любая страна, против которой я делал набег, бывала она изгнана с пастбищей и колодцев ее, и угонял я стада ее, и уводил жителей ее, отнимал я пищу их, убивал я людей ее в ней—сильной рукой моей, луком моим, нашествиями моими, замыслами моими искусными.

Был я приятен сердцу его, любил он меня, ибо знал он, что силен я. Поставил он меня во главе детей своих, ибо увидел он, что могучи мои руки.

Пришел силач страны Ретену, вызвал он меня из шатра моего. Он был сильнейшим, не было подобного ему, поборол он страну до пределов ее.

Сказал он, что будет биться со мной, думал он победить меня, замышлял он увести стада мои, по совету своего племени.

Князь этот посоветовался со мной и сказал я: „Не знаю я его, воистину, я не союзник его и не бродил около двора его. Разве открывал я дверь его и переступал за ограду его? Это—зависть, так как видит он, что я выполняю повеления твои.

Воистину, я подобен заблудившемуся быку посреди чужого стада—бодает его бык стада и длиннорогий бык бросается на него. Разве бывает бедняк любим в положении начальника? Не бывает кочевник единодушен с жителем Дельты, ибо что может укрепить папирус на горе?

(Но) если бык хочет драться, захочет ли сильнейшей бык повернуть спину в страхе, чтобы тот не превзошел его? Если сердце его стремится к битве, пусть скажет он желание сердца своего. Разве бог не знает того, что суждено ему,—как же известно оно?

В течение ночи натянул я лук мой, испытал стрелы мои, вынул кинжал мой и вычистил оружие мое.

Когда рассвело, страна Ретену пришла, возбудила она племена свои, собрала страны соседние свои, ибо она замыслила эту битву.

Пришел он ко мне в то время, как я стоял. И встал я рядом с ним.

Сердца все горели за меня. Женщины и мужчины кричали. Сердца все болели за меня, говорили они:

„Неужели есть другой силач, чтобы биться с ним?“

Азиаты

И вот щит его, боевой топор его, пучек дротиков его упали после того, как избежал я оружия его и дал стрелам его миновать меня.

Когда их не осталось, один пошел на другого.

Он бросился на меня. Выстрелил я в него, и стрела моя застряла в его шее. Завопил он и упал на нос свой. Я поразил его его же собственным боевым топором и издал победный клич мой на спине его.

Каждый азиат закричал.

Я воздал хвалу Монту,[1] а его слуги оплакивали его.

Князь этот Энши, сын Аму, обнял меня.

Унес я вещи его, угнал скот его. То, что замышлял он сделать против меня, сделал я против него.

Захватил я то, что было в шатре его, опустошил я его двор. Возвысился я там, расширил я богатства свои, умножил скот мой.

Так сотворил бог, чтобы оказать милость тому, кого он осудил, кого он заставил удалиться в чужую страну.

Вот, сегодня сердце его удовлетворено: бежал беглец в свое время, а теперь свидетельство обо мне при дворе.

Крался кравшийся от голода, а теперь я подаю хлеб соседу.

Покидал человек страну свою из-за наготы своей, а теперь я одет в белые ткани льняные.

[1] Бог войны.

(Иной) человек не имел посланца, у меня же множество челяди, прекрасен мой дом, просторно жилище мое и помнят обо мне во дворце.

О бог, кто бы ты ни был, судивший бегство мое, сотвори милость мне, верни меня в столицу!

Конечно, дашь ты, чтобы увидел я место, где пребывает сердце мое. Что может быть больше того, чтобы тело мое было погребено в земле, в которой я родился? Приди на помощь мне!

Случилось счастье, я умилостивил бога. Да сотворит он подобное же, чтобы украсить конец того, кого он унизил, и да будет сердце его болеть за того, кого он изгнал, чтобы жить в стране чужой.

Если он сегодня смилостивился, да услышит он просьбу далекого, да восстановит он того, кого поверг он, на место, откуда вывел его.

Да будет милостив ко мне царь Египта, да живу я в милости его. Да приветствую я „Владычицу земли"[1], которая во дворце его, да услышу я повеления детей ее.

Пусть обновятся члены мои, ибо старость наступила, слабость одолела меня, глаза мои отяжелели, руки мои ослабели, ноги мои отказываются следовать, сердце устало.

Приближается ко мне отшествие[2], когда понесут меня в город вечности.[3]

[1] Царицу. [2] Смерть. [3] На кладбище.

О, да послужу я еще владычице вселенной! Пусть говорит она со мной о красотах детей своих, да проведет она вечность при мне!

Вот сказали величеству царя Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара[1] о положении этом, в котором я нахожусь.

И вот послал его величество ко мне с подарками от щедрот царя, чтобы обрадовать сердце слуги этого, как князя всякой иноземной страны. Царские дети, которые во дворце его, дали услышать мне поручения свои.

Копия декрета[2], принесенного к слуге этому, относительно привезения его в Египет:

Гор, Жизнь рождений. Владыка Нехена и Буто, Жизнь рождений. Царь Верхнего и Нижнего Египта, Хеперкара. Сын Ра, Сенусерт, живущий вечно во веки.

„Царский декрет находящемуся в свите, Синухету.

Вот, принесен тебе декрет этот царя, чтобы дать тебе знать следующее:

Обошел ты страны, выйдя от Кедема до Ретену. Страна передавала тебя стране, согласно совету сердца твоего тебе. Что сделал ты, чтобы что-нибудь было сделано против тебя? Ты не богохульствовал, чтобы твои

[1] Тронное имя Сенусерта I.

[2] Декрет написан по форме подлинных декретов фараонов, с перечислением всех титулов царя и с соответствующим расположением строк.

слова нужно было опровергать. Ты не говорил в совете серов, чтобы твои речения нужно было удалять. Это намерение принесло тебе только сердце твое, не было ничего в сердце моем против тебя. „Твое небо“[1] это, которое во дворце, пребывает и процветает доныне, участвует она в управлении страной и дети ее при дворе.

Да воспользуешься ты надолго всем прекрасным что дадут они тебе, да живешь ты от щедрот их.

Приди же в Египет, да увидишь ты столицу, в которой ты находился, да поцелуешь ты землю пред Вратами Великими, да присоединишься ты к семерам.

Ибо ныне ты начал стареть и утратил ты силу. Вспомни же о дне погребения, о переходе к блаженству.

Посвящена тебе будет ночь с благовонными умащениями и погребальными тканями из руки богини Таит. Совершено тебе будет шествие в день соединения с землей, и чехол для мумии из золота, и голова в ляпис-лазули, и небо над тобой. Положат тебя на полозья, и быки повлекут тебя, и певцы пред тобой, и исполнят пляску Муу пред дверью гробницы твоей.

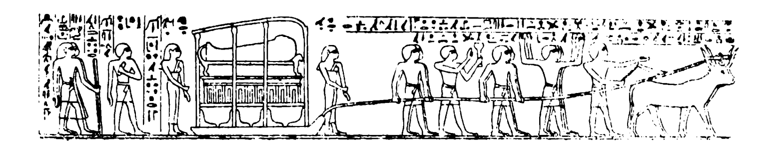
Провозгласят тебе стол жертвенный, заколют жертвы перед дверью — стелой твоей, и колонны

[1] Царица, слугой которой был Синухет и которая хорошо к нему относилась.

твои высечены из белого камня среди (погребений) царских детей.

И умрешь ты не в стране чужой, не азиаты проводят тебя, не завернут тебя в шкуру барана при устройстве могилы твоей. Вот, все это сгинет.

Позаботься же о теле твоем и приди".

Погребальная процессия

Дошел указ этот до меня, когда я стоял посреди племени моего. Был он прочитан мне, и упал я на живот мой, коснулся я почвы и провел ею по волосам моим.

И ходил я кругом по двору этому, радуясь и говоря:

„Как же совершено это слуге этому, сердце которого увлекло его в страну чужую? Воистину прекрасно милосердие, спасающее меня от смерти. Вот дух твой даст окончить мне конец живота моего в столице".

„Копия доклада[1] декрета этого.

[1] Следует ответ Синухета фараону, также изложенный по установленной форме.

Слуга дворца Синухет говорит:

„В мире, счастливо.

Узнано духом твоим бегство это, которое совершил слуга этот в неведении своем, о бог прекрасный, владыка обеих земель, возлюбленный Ра, хвалимый Монту, владыкой Фив.

Амон, владыка Карнака, Собек, Ра, Гор, Хатор, Атум с Эннеадой его, Сопду, Нефербау, Семсеру, Гор Восточный, Владычица Имет, которая на главе твоей, Совет богов на водах, Мин-Гор посреди пустыни, Великая госпожа Пунта, Горуэр-Ра, и все боги Египта и островов моря,[1] — да дадут они жизнь и силу носу твоему, да осыпят они тебя щедротами своими, да дадут они тсбе вечность без границ, бесконечность без пределов. Возвещен страх перед тобой по полям и горам, покорил ты все, что обходит солнце.

Просьба слуги этого к господину его — спасти от Запада.[2]

Владыка ведения, ведающий людей, ведает он все в величии дворца.

Слуга этот боялся сказать это и подобно чему-то великому повторить это...

Слуга этот в руке советника своего и воистину отдан под его руководство.

[1] Перечислены главнейшие боги Египта.

[2] Т. к. на западе заходит солнце, то считалось, что запад страна смерти.

Ибо величество твое — Гор победоносец, и руки твои могучи против всех земель.

Да прикажет твое величество, чтобы был приведен Маки из Кедема, Хетнауш из Хенткеша, Менус из земель Фенху. Это князья известные, пребывавшие в любви к тебе, хотя и забытые.

Страна Ретену — твоя, подобная собакам твоим.

Что же касается бегства этого, которое совершил слуга этот, то я не знаю его, не было его в сердце моем, не замышлял я его, не знаю я, что увлекло меня с места моего.

Это было подобно образу сна, подобно тому, как увидел бы себя житель Дельты в Элефантине, — житель болот в Нубии [1].

Я не боялся, не гнались за мной, не слышал я бранного слова, не слышали имени моего в устах глашатая.

Но задрожало тело мое, и ноги мои понеслись, сердце мое повело меня, и бог, судивший это бегство, увлек меня.

Я ведь не зазнавался, ибо боится человек, знающий страну свою. Ведь, дал Ра страх перед тобой по земле, ужас пред тобою в стране каждой.

Буду ли я в столице, буду ли я в месте этом, — ты равно можешь заволочь горизонт. Ибо восходит

[1] Т. е., если бы житель северного Египта внезапно очутился на самом юге страны.

солнце по благости твоей, воду из реки пьют по воле твоей, ветер неба вдыхают по слову твоему.

Вот, слуга этот передает везирство свое, которое выполнял он в этой стране.

Вот, пришли к слуге этому, да сделает величество твое по желанию своему, ибо люди живут дыханием, которое ты даешь. Ра, Гор и Хатор любят лик[1] этот твой прекрасный, о котором желает Монту, владыка Фив, чтобы жил он вечно".

Было дано мне провести день в стране Иаа для передачи вещей моих детям моим.

Сын мой старший — во главе племени моего, и имущество мое все в руке его, и челядь моя, и скот мой, и плоды мои, и деревья все плодовые мои.

Отправился слуга этом на юг и остановился я при Дорогах Гора.[2] Начальник, который там во главе пограничников, послал он посольство в столицу, чтобы дать знать.

Дал его величество притти опытному начальнику дворцовых земледельцев и с ним ладьи, нагруженные дорогими подарками азиатам, которые пришли со мной, провожая меня до Дорог Гора. Назвал я каждого из них по имени его. Замешивали и цедили при мне, и каждый слуга был при работе своей.

[1] Буквально „нос твой".

[2] Пограничный пункт.

Тогда я отправился и поплыл, пока не достиг я города Иттауи[1].

И когда рассвело и настало утро, пришли и позвали меня. Десять человек ходило, десять человек сопровождало, сопутствуя мне ко дворцу.

Коснулся я лбом моим земли между сфинксами. Царские дети стояли в воротах, встречая меня, и семеры, допущенные в зал, указали мне путь к Зале Аудиенций.

Нашел я его величество на троне великом в Златых Вратах.

И распростерся я на животе своем, и не помнил я себя перед ним.

Бог этот обратился ко мне милостиво. И был я подобен человеку, которого схватили в темноте: душа моя ушла, тело мое дрожало, сердца моего не было в теле моем, и я не мог отличить жизни от смерти.

Сказал его величество одному из семеров:

„Подними его, пусть он говорит мне".

И сказал его величество:

„Вот ты пришел, ты прошел по чужим странам, ты перешел пространства. Дряхлость одолела тебя, ты достиг старости. Не мало это, что тело твое будет погребено без сопровождения азиатов. Но не делай так, не делай так, не стой же безмолвно, когда произнесено имя твое".

[1] Столица фараонов Среднего Царства в Фаюме.

Воистину, страшился я наказания и ответил как человек, который боится:

„Что говорит мне господин мой? Если бы мог я ответить на это, а я не могу. Рука это бога, ужас это в теле моем подобно тому, который вызвал бегство предрешенное. Вот, я пред тобой. Тебе принадлежит жизнь — пусть сотворит твое величество по желанию твоему“.

Приказали ввести царских детей.

И сказал его величество царской жене:

„Вот, Синухет пришел подобный азиату, подобный потомку Сетиу“.

Она издала громкий крик, и царские дети вскрикнули вместе.

Сказали они его величеству:

„Воистину, это не он, о царь, владыка наш“.

И сказал его величество:

„Это действительно он“.

Они принесли ожерелья свои, систры „сехем“ свои и систры „сешешт“ свои и поднесли их его величеству:

„Руки твои на Благой, о царь пребывающий.
На украшении Госпожи Неба.
Пусть дарует Златая жизнь носу твоему,
Пусть госпожа Звезд соединится с тобой.
Пусть плывет к северу Шемас,
Пусть плывет к югу Мехис,
Соединенные и слитые в устах твоего величества.

Змея священная на лбу твоем,
Освободил ты подданных от зла.
Да благословит тебя Ра, о господин Египта!
Слава тебе и госпоже вселенной!
Ослабь рог твой,
Отпусти стрелы твои.
Дай дыхание задыхающемуся,
Дай нам награду прекрасную —
Вождя этого, Симехета,[1]
Азиата, рожденного в Египте.
Совершил он бегство ради страха твоего,
Покинул страну ради ужаса твоего.
Да не страшится лицо смотрящего на тебя,
Да не пугается глаз, видящий тебя".

Царевна с ожерельем и систром.

Сказал его величество:

„Пусть не боится он, пусть не предается страху, ибо он будет семером среди серов, будет он поставлен в среде знатных. Идите же вы в Залу Поклонения и прислуживайте ему".

[1] Игра слов: вместо Синухет, что значит „сын сикоморы", царевны называют беглеца „Симехет", что значит „сын севера", намекая этим на его пребывание в Сирии.

Вышел я из Залы Аудиенций, и царские дети подали мне руки. Пошли мы к Великим Вратам, и я был помещен в зале царского сына.

Были драгоценности там, бассейн и изображения горизонта, ценности сокровищницы находились там. Одежды из царских тканей, умащение и прекрасное масло царя и серов, которых он любит, во всех комнатах, и каждый слуга при работе своей.

Года были сброшены с тела моего, я был выбрит и волосы мои причесаны.

Я вернул тяжесть пустыне[1] и одежды обитателям песков. Был я одет в мягкую ткань и умащен прекрасным маслом, а ночью я спал на кровати.

Я отдал песок тем, кто живет на нем, и деревянное масло тем, кто им мажется.

Был дан мне дом начальника (как подобает) начальнику округа, каким владеет семер. Много строителей трудилось над ним, и вся деревянная отделка в нем была сделана заново.

Приносили мне пищу из дворца ежедневно по три и даже по четыре раза, кроме того, что давали царские сыновья, без промедления.

Построили мне гробницу каменную посреди гробниц. Каменщики, которые строят гробницы, разметили основание ее, начальники живописцев расписали ее; начальники скульпторов ваяли в ней; на-

[1] Т. е., омылся от пыли и грязи.

чальники работ, которые в некрополе, позаботились о ней. Все вещи, которые ставятся в склеп, были исполнены для снабжения ее.

Были даны мне заупокойные жрецы и сделан мне погребальный сад, и поля в нем перед городом моим, как делают для главного семера. Была обложена золотом моя статуя и передник ее был из электра[1]. Это его величество приказал сделать ее.

Не было бедняка, которому было бы сделано подобное.

И был я в милостях у фараона, пока не пришел день погребения.

Закончено от начала его — до конца его как найдено написанным.

[1] Сплав золота и серебра.

6

ИЗ „ПОУЧЕНИЙ ДУАУ“

Начало поучений, сделанных человеком по имени Дуау, сыном Хети, сыну его по имени Пепи, когда он плыл на юг к столице, чтоб отдать его в школу писаний... детей знатных живущих в столице.

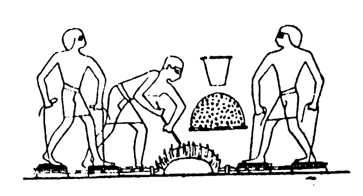
И сказал он ему: „Видел я удары, видел я удары. Обрати же сердце твое к книгам. Я смотрел на свободного от барщины его, — смотри, нет ничего выше книги.

Ты найдешь такое изречение там, говорящее: „если писец имеет какую либо должность в столице, то не будет он нищим там“.

О, если бы я мог заставить тебя полюбить книги больше, чем твою мать, если бы я мог показать красоты их перед тобой.

Лучше это всех других должностей... Когда он (писец) еще ребенок, уже приветствуют его. Посылают его для исполнения поручений и не возвращается он, чтоб надеть передник.

Не видывал я кузнеца посланником или ювелира посланным, но я видел медника за работой его у топок его печи. Его пальцы были, как кожа крокодила, и он пахнул хуже, чем рыбья икра.

Ремесленники металлисты

Каждый ремесленник, работающий резцом, устает больше, чем землепашец. Поле его — дерево, орудие его — металл. Ночью, когда свободен он, он работает больше, чем могут сделать его руки. И ночью зажигает он свет.

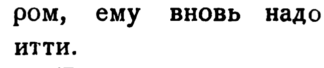
Каменотес ищет работу по всякому твердому камню. Когда же он кончает, руки его падают, и он утомлен. И так как сидит он до сумерек, колени его и спина его согнуты.

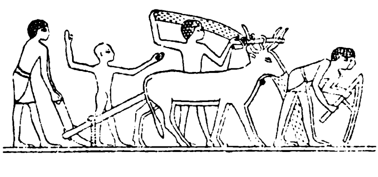
Брадобрей бреет до вечера... Он бродит с улицы на улицу, чтоб найти кого побрить. Он напрягает руки свои, чтобы наполнить свой желудок, подобно пчелам, проедающим свои труды.

Я расскажу тебе еще о строителе стен. Он постоянно болен, так как предоставлен ветрам. Строит он с трудом, привязанный к лотосам (= верхушки

колоны в форме цветов лотоса)... все одежды его — лохмотья... Моется он только один раз... Хлеб, отдает он его домой; избиты, избиты его дети.

У земледельца одежда вечная. Высок голос его как у птицы „абу“... Устает он... и спокойно ему так, как спокойно кому-нибудь под львом. Болеет он постоянно. И едва он возвращается домой вечером, ему вновь надо итти.

Земледельцы.

Ткач — внутри дома, хуже ему чем женщине. Ноги его на желудке его. Не дышит он воздухом. Если за день не выработает он достаточно тканья, он связан, как лотос в болоте. Дает он хлеб привратнику, чтобы мог он увидеть свет.

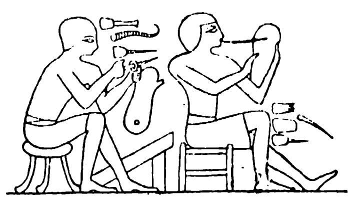
Когда курьер выходит в чужую страну, завещает он имущество свое детям своим, из-за страха перед львами и азиатами. И если вернулся он в Египет, едва достиг он сада, едва достиг он дома своего вечером, и вновь ему надо итти.

У красильщика пальцы издают зловоние, как от дохлой рыбы, рука его не останавливается.

Сандальщику совсем плохо, он всегда нищенствует. Ему так же спокойно, как спокойно комулибо среди дохлых рыб. Жует он кожу.

Прачешник стирает на берегу рядом с крокодилом. Не спокойное это занятие перед тобой. Говорят ему: если ты опоздаешь принести, будут избиты губы твои.

Я расскажу тебе еще о рыбаке, достается ему хуже, чем во всякой другой должности. Смотри, разве не работает он на реке в перемежку с крокодилами.

Сандальщики.

Смотри, нет должности, где бы не было начальника, кроме должности писца — ибо он сам начальник.

Если кто знает книги, то говорится ему: „хорошо тебе это". Не так с занятиями, которые я тебе показал. Не говорят писцу: „поработай для этого человека".

Смотри, я совершаю это плывя на юг, в столицу. Смотри, я совершаю это из любви к тебе. Полезен для тебя день в школе, работы в ней вечны, подобно орам...

Смотри, отсылай толпу и слушай слова вельмож. Смотри, нет писца, который не кормится от вещей дома царя. Вот, на что указываю я тебе и детям твоих детей".

7

ИЗ „ЖАЛОБ ИПУВЕРА“

Привратники говорят:

„Пойдем, пограбим“.

Прачешник отказывается нести свой груз...

Охотники за птицами выстроились в ряды для битвы. А достойный человек бродит в печали из-за того, что случилось в стране. Нет человека вчерашнего дня...

Вот, бедняки стали владельцами прекрасных вещей. Тот, кто не мог сделать себе сандалии, теперь владеет богатствами...

Вот, богатые в горе, а бедняки радуются. Город каждый говорит: „Пойдем, побьем наших знатных“...

Вот, золото и ляпис-лазули, серебро и малахит, сердолик и бронза украшают шеи рабынь, а знатные госпожи говорят: „О если бы у нас было что поесть“.

Не различают сына знатного отца от человека, неимеющего такового... Вот, дети князей побиты об стены...

Вот, захвачены рукописи (документы?) из суда.. Вот, учреждения открыты и захвачены списки податей...

Вот, чиновники убиты и захвачены их записи. Уничтожены записи писцов земледелия, и зерно Египта досталось всем. Вот, законы суда выброшены в сени, и люди ходят по ним на улицах, и бедняки рвут их в переулках...

Смотрите, делаются вещи, которые не случались никогда: захвачен царь бедняками. Смотрите, тот, кто был погребен как сокол[1], лежит на холмах. То, что скрывала пирамида, стало пустым.

Смотрите, страна лишена царской власти немногими людьми, незнающими порядка. Смотрите, восстали против урея...[2] Столица повержена в мгновение.

Вот, кто не мог сделать себе саркофага, стал владельцем гробницы...

Кто не мог построить себе клетушку, стал владельцем здания.

Смотрите, владевшие одеждами, теперь в лохмотьях, а тот, кто не ткал для себя, теперь владеет тонкими тканями.

[1] Фараон.

[2] Украшение в виде змеи, которое всегда носит на лбу царь.

Смотрите, тот, кто не строил себе даже лодку, теперь владеет кораблем, а тот, кому они принадлежали раньше, смотрит на них, но они уже не его...

Смотрите, тот, кто ничего не имел, стал владельцем богатства, и князь восхваляет его.

Смотрите, бедняки страны стали богачами, а владелец имущества стал человеком неимущим...

Смотрите, кто не имел хлеба, теперь владелец амбара, и закрома́ его наполнены добром другого...

Смотрите, та, которая не имела коробки, теперь владеет сундуком, и та, которая смотрела на свое лицо в воду, теперь владеет зеркалом.

Смотрите, знатные госпожи бродят голодные, а мясники насыщаются тем, что они раньше им приготовляли.

Смотрите, не имевший упряжки быков, теперь владелец стада.

Смотрите, не имевший зерна, теперь владелец амбаров...

Царские закрома́ стали достоянием каждого, и весь дворец не получает податей.

8

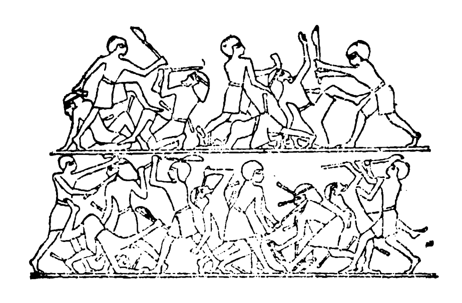
ВОЕННАЯ ПЕСНЯ ИЗ НАДПИСИ ПОЛКОВОДЦА УНЫ[1]

Пришло это войско в мире,
взрыло оно страну Хериуша[2].
Пришло это войско в мире,
разбило оно страну Хериуша.
Пришло это войско в мире,
повергло оно крепости ее.
Пришло это войско в мире,
срубило оно смоквы и лозы ее.

[1] Уна, князь Эль-Кабской области, занимал высшие должности начальника Юга и судьи Нехена при фараоне Пепи (XXVI в. до х. э.). Он командовал египетским войском в набегах на азиатских кочевников.

[2] Хериуша — буквально „находящиеся на песке". Так называли египтяне племена кочевников, живших к с.-в. от Египта.

Пришло это войско в мире,
сожгло оно поселки ее.
Пришло это войско в мире,
поразило оно отрядов там
десятки тысяч.
Пришло это войско в мире,
привело оно отряды многие
в плен.

Битва

9

БИТВА ПРИ КАДЕШЕ

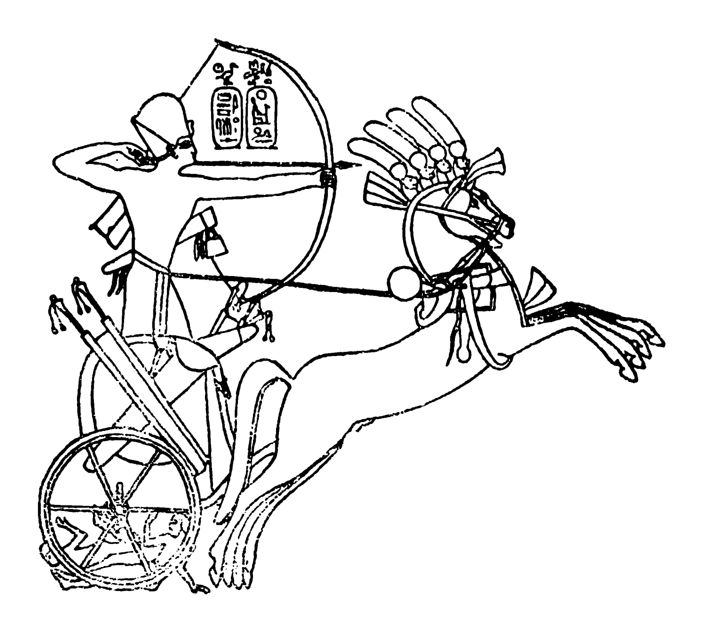
„Битва при Кадеше" является самым крупным и значительным из дошедших до нас произведений египетской придворной поэзии. Поэма описывает знаменитую битву при Кадеше фараона Рамсеса II (1292—1225 гг. до х. э.) с Хеттами во время одного из его походов в Сирию. Поэма написана неизвестным нам очень талантливым поэтом. Но человек этот был поэтом придворным, а потому мы напрасно стали бы ждать в его произведении отражения подлинного хода битвы: здесь на первом месте выделено восхваление храбрости фараона, и победа приписывается исключительно ему одному. К счастью, об этой битве мы знаем не только из поэмы: о ней сохранились и подробные официальные отчеты. Конечно, и эти отчеты не передают нам точной картины битвы, так как они также составлены придворными летописцами, которые старательно подчеркивали роль фараона в этой победе и льстиво перечисляли его подвиги. Но все же, сопоставляя все данные, можно приблизительно восстановить ход событий. Египетское войско шло на Кадеш, разделенное на четыре отряда: бога Амона, бога Ра, бога Птаха и бога Сутеха.

Нетерпеливый молодой фараон с отрядом Амона далеко ушел вперед, отряд Ра старался не отставать от него, остальные же два отряда оставались далеко позади. Близь Кадеша разбили лагерь, не зная, что князь Хеттов с огромным войском залег за городом. Рамсес был только со своей личной гвардией, когда бежали в смятении отряды Амона и Ра перед внезапным натиском Хеттов. И если бы Хетты, напав на лагерь египтян, не увлеклись грабежом богатейшей добычи, фараон попался бы как мышь в мышеловку. Теперь же он смог с помощью своей личной гвардии ударить на крайний правый фланг Хеттов, опрокинуть их в реку и продержаться до подхода подкрепления. Очень характерно как описывает все это автор „Битвы при Кадеше": ни слова о грабеже лагеря Хеттами, ни один египтянин не сражается с Рамсесом. Получается невероятная картина — фараон бьется один против 2500 колесниц с тремя воинами на каждой из них! И поэт пытается объяснить все это тем, что яко бы сам бог Амон явился из Египта на помощь своему сыну фараону. „Битва при Кадеше" таким образом не только восхваляет царя. Описывая всемогущество Амона-Ра, она укрепляет его культ и тем самым — власть мощного и богатого жречества столицы Египта — города Фив.

Здесь приведен только небольшой, но зато самый яркий отрывок поэмы, та часть ее, где Рамсес видит себя окруженным врагами и в отчаянии зовет Амона на помощь. Он напоминает богу, сколько он ему строил храмов и приносил жертв, в то время как азиаты „подлы и не знают бога". Затем следует ответ Амона, после которого фараон одерживает победу.

Появился царь как отец его Монту,[1]
Схватил он оружие свое боевое,
Возложил на себя он панцырь свой,

[1] Бог войны.

Фараон Рамсес II в битве при Кадеше

Он подобен Ваалу в час его.
Помчался царь и вонзился в Хеттов,
Был он один, никого с ним вместе.
И тогда оглянулся царь назад —
Окружили его тьмы колесниц
С бойцами подлой Хеттской земли
И многих с нею соседних стран:
Из Арада, и Меса, и Педеса,
Из Кешкеша, Ируна, Киццувадна,

Из Хереба и из Экерета,
Из Кадеша и из Ликии.
„Нет ни князя со мной, ни вожатого,
Ни начальника пехоты, ни колесничего.
Бросило войско меня им в добычу,
Не остался никто, да сразится с ними.
Что же будет теперь, отец мой Амон?
Иль не вспомнит отец о сыне своем?
Творил ли я что помимо тебя?
И ходил, и стоял я по воле твоей...
Что пред тобой азиаты, Амон?
Подлы они и не знают бога.
Иль не строил я тебе много памятников,
Не дал в храмы твои моих пленников?
Я построил тебе храмы долгих лет,
Дал имущество мое тебе в собственность...
Посылал я в моря корабли для тебя,
Да доставят тебе приношения стран!
Я взываю к тебе, отец мой Амон!
Я средь множества врагов и не знаю я их!
Страны все соединились против меня,
Я совсем одинок, нет другого со мной.
Я зову, ибо вижу, что лучше Амон,
Чем миллионы пехоты, чем сотни тысяч конных,
Чем десятки тысяч братьев и детей,
Даже если встанут они единодушно.
Ничто дела многих людей,
Лучше (один) Амон, чем они!

Я взываю к тебе от концов земель,
И зов мой звучит до Гермонтиса,
И увидел я, что Амон идет
Едва только я воззвал к нему.
Дал мне руку свою, и ликую я,
Крикнул сзади: „Вперед. Я с тобой, твой отец!
Над тобой моя длань, я полезней сотен тысяч,
Я владыка победы, любящий мощь!“
Обрел я сердце свое, полно оно радости,
Что хотел я сделать, все стало совершаться.
Я — Монту, стреляю вправо, поражаю влево,
Я — Сутех, когда время его перед ним.
Вижу — тьмы колесниц, окружавших меня,
Стали трупами пред упряжкой моей.
Сердца их упали в телах их от страха,
Руки их все ослабели...
Опрокинул я их в воду, подобно крокодилам
Попадали они, я убил кого хотел.
Ни один не взглянул, никто не обернулся,
Кто упал среди них, не поднялся он вновь!

10

ИЗ ГИМНА НИЛУ

Слава тебе, Нил, выходящий из земли,
Идущий, чтоб Египет оживить.
Орошающий поля, сотворенный Ра,
Чтобы всех животных оживить.
Напояющий пустыню, далекую воде,
Роса его спускается с небес...
Если медлит[1] он, дыханье кончено[2]
И люди все беднеют.
Если гневен он,[3] гроза по всей стране,
Великий и малый беднеют,

[1] Если задерживается разлив Нила.

[2] В тексте: „Заперты носы“, т. е. нечем дышать.

[3] Если низок разлив Нила.

А восходит он[1] — и ликует земля
И все живое в радости.
Спина каждая сотрясается от смеха,
Зуб каждый усиленно жует.
Приносящий хлеба, обильный пищей,
Творящий все прекрасное.
Наполняющий амбары, расширяющий закром,
Заботящийся и о бедняках.
Производящий деревья по желанию любому,
И нет недостатка в них.
Не знают места, откуда он,[2]
И не нашли пещер его в писаниях.
Ликуют тебе юноши и дети твои
И приветствуют тебя как царя.
Постоянный в обычаях,[3]
Выходящий перед югом и севером.
Свет, выходящий из мрака!
Жир для скота его![4]
Сила это, творящая все,
И нет живущих в неведении его.

[1] Разлив Нила уподобляется восходу солнца.

[2] Истоки Нила долгое время не были известны.

[3] Т. е. разливающийся постоянно в одно и то же время.

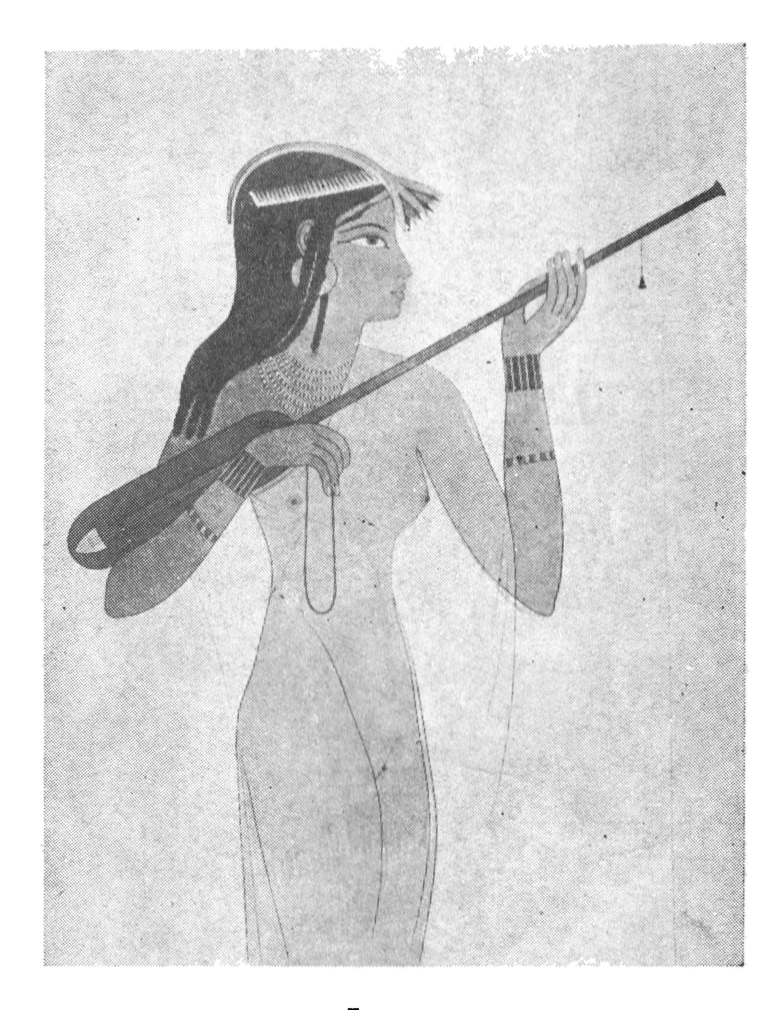
[4] Вследствие разлива зеленеют луга, и скот жиреет на свежих пастбищах.

11

КРАСАВИЦА

Единственная сестра[1], нет подобной ей,
Прекраснейшая всех людей.
Смотри, подобна она звезде восхода
При начале счастливого года.
С сияньем дивным, с блестящей кожей,
Прекрасная глазами зоркими,
Сладостны уста ее говорящие,
Нет у нее слова лишнего.
Высока шея ее и блестящ затылок,
Ляпис-лазули истинный — волосы ее.
Рука ее превосходит золото,
И пальцы подобны лотосам.
Несут ноги ее красоту ее.
Походкой легкой идет она по земле.
Вынуждает она шеи людей всех
Отвернуться (в ослеплении) при виде ее.

[1] Обычное слово вместо „любимая“ в египетской поэзии.

Египтянка

12

РАБОЧИЕ ПЕСЕНКИ

а) Песенка пахарей.

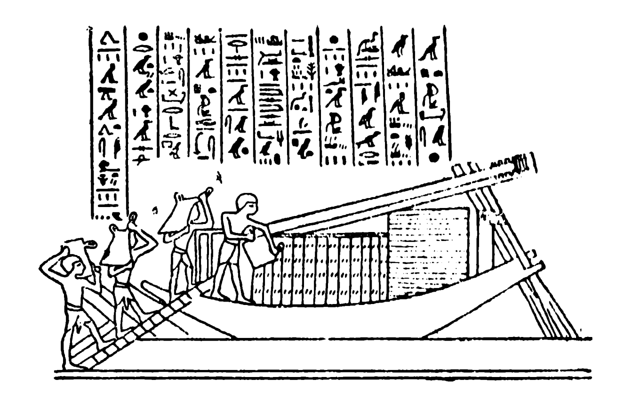
Торопись, вожатый,
Погоняй быков!
Погляди, князь стоит
И смотрит на нас.

Молотьба

б) Песенка молотильщиков.

Молотите себе, молотите себе,
О быки, молотите себе!
Молотите себе на корм солому,
А зерно для ваших господ.
Не останавливайтесь,
Ведь сегодня прохладно.

Погрузка зерна.

в) Песенка носильщиков зерна.

Должны ли мы день целый
Таскать зерно и белую полбу?
Полны ведь уже амбары,
Кучи зерна текут выше краев,
Полны корабли,
И зерно ползет наружу,
А нас все заставляют таскать,
Воистину, из меди наши сердца.

УКАЗАТЕЛЬ К ПРИВЕДЕННЫМ ТЕКСТАМ

1) „Сказка о потерпевшем караблекрушение". Папирус № 1115 Гос. Эрмитажа. Издание текста: Golénischeff, Le papyrus hiératiques №№ 1115 at 1116 dę l'Ermitage, 1913. Переводы: а) Erman, Die Geschichte des Schiffbrüchigen. Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde, T. 43. 1906. б) Gardiner, Notes on the tale of the shipwrecked sailor. Zeitschrift für ägyptische Sprache, 45. 1908—09. в) Golénischeff, Le papyrus No 1115 de l'Ermitage. Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. T. 28, 1906.

2) „Сказание об истреблении согрешивших людей". Текст высечен на стенах гробницы Сети I и Рамсеса II. Опубликован Naville, Transactions of the Society of Biblical Archeology, tt. IV и VIII.

3) „Волшебник Деди". Папирус Весткар Берлинского Музея. Издание текста и перевод: Erman, Die Märchen des Papyrus Westcar. 1899.

4) „Взятие Яффы". Папирус Харрис 500 Британского Музея. Издание текста и перевод: Maspero, Comment Thoutii prit la ville de Joppé. Journal Asiatique, 1878.

5) „Повесть о Синухете". Главнейшие тексты — папирусы Рамессейский и Берлинский (оба в Берлинском Музее). Переводы

и транскрипции текстов: а) Maspero. Les mémoires de Sinouhit. 1908. б) Gardiner, Notes on the story of Sinuhe, Recueil de travaux, 1910—14. в) Тураев. Рассказ египтянина Синухета. 1915.

6) Из „Поучений Дуау". Папирусы Салье II и Анастази VII Британского Музея. Текст и перевод у Maspero. Du genre épistolaire chez les Egyptiens de l'époque pharaonique. 1872.

7) Из „Жалоб Ипувера". Лейденский папирус. Текст и перевод у Gardiner, The admonitions of an Egyptian Sage. 1909.

8) „Военная песнь из надписи полководца Уны". Из гробницы Уны. Текст у Sethe, Urkunden des Alten Reichs, стр. 103—104.

9) „Битва при Кадеше". Папирус Салье III, Британского Музея, а также на стенах храмов Луксора, Карнака и Абидоса. Последнее издание текста Quentz, The battle of Kadesch. 1930.

10) Из „Гимна Нилу". Папирус Салье II и Анастази VII Британского Музея, а также отдельные отрывки на ряде остраконов. Текст и перевод у Maspero, Hymne au Nil. 1912.

11) „Красавица" — Папирус Честер Бити I. Текст и перевод у Gardiner. The Chester Beaty Papyri, I. 1931.

12) „Рабочие песенки". На стенах гробницы Пахери в Эль Кабе. Текст и перевод у Tylor and Griffith, The tomb of Paheri at El Kab.

СПИСОК РИСУНКОВ

13) Хор жрецов. Lepsius, Denkmäler, III, 236.

14) Жрецы и князья приветствуют гимнами возвращение фараона Сети I из похода. Lepsius, Denkmäler, III, 128.

15) Пастухи при переправе. Над изображением написана песня, которую поют пастухи. Erman-Ranke. Aegypten, Abb. 216.

16) „Увидел я, что это змей, который шел". Книга Мертвых· Папирус Ани.

17) Резной камень с изображением змея, несущего в пасти человека. Гос. Эрмитаж.

18) Корабль с грузом из страны Пунт. Erman-Ranke, Aegypten, Abb. 255.

19) Носилки с вельможей. Lepsius. Denkmäler aus Agypten and Athiopien. II, 29.

20) Взятие крепости. Wreszinsky, Atlas, II, табл. 151.

21) Богиня Сохмет. Erman, Die Agyptische Religion. 14.

22) Погребальная процессия. Из гробницы Пахери. Tylor and Griffith, The tomb of Paheri at El Kab.

23) Царевна с ожерельем и систром. Тураев, рассказ египтянина Синухета, стр. 41.

24) Ремесленники металлисты. Из гробницы Рехмира. Newberry, The life of Rekhmara, табл. 18.

25) Земледельцы. Из гробницы Пахери. Tylor and Griffith, The tomb of Paheri at El Kab,

26) Сандальщики. Из гробницы Рехмира. Newberry. The life of Rekhmara, табл. 18.

27) Битва. Petrie, Deshasheh, табл. VI.

28) Фараон на колеснице. Erman Ranke, Aegypten, рис. 268.

29) Молотьба. Из гробницы Пахери. Tylor and Griffith, The tomb of Paheri at El Kab.

30) Погрузка зерна. Из гробницы Пахери. Tylor and Griffith. The tomb of Paheri at El Kab.

ТАБЛИЦЫ

Охотник с добычей. Prisse d'Avennes, Histoire de l'art, Peinture, табл. 6.

Азиаты. Newberry, Beni-Hassan I, табл. 31.

Египтянка. Prisse d'Avennes, Histoire de l'art, Peinture, табл. 14.

ЦЕНА 4 РУБЛЯ